

СТ. ПШИБЫШЕВСКИЙ

DE PROFUNDIS.

БИБЛІОТЕКА
ВСЕМІРНОЇ ЛІТЕРАТУРИ.

Складъ изданія: Софія, ул. 11 Августа, 4. Російско-
Болгарское Книгоиздательство.

DE PROFUNDIS.

Шелъ усталый и словно разбитый домой. Дрожалъ отъ холода, несмотря на тропическій зной.

Теперь, должно быть, онъ окончательно заболѣтъ. Чувствовалъ слабость и боль въ каждой ткани своего тѣла, и это было очень непріятно — особенно здѣсь, въ чужомъ городѣ.

Быстро шелъ по улицѣ. Домой...

На лбу у него выступилъ холодный потъ; непріятная, влажная теплота расплзлась по тѣлу; въ горлѣ — боль, точно кто-нибудь колетъ его раскаленными булавками. Страхъ разливался все глубже въ крови. Побѣжалъ.

Въ комнатѣ бросился на кровать.

Сердце усиленно билось. Чувствовалъ, слышалъ, какъ пульсируютъ тончайшія жилы, какъ онѣ дрожатъ, расширяются и все стремительнѣе наполняются кровью. Ему казалось, что вотъ вотъ онѣ могутъ лопнуть подъ бѣшенымъ напоромъ крови. Осторожно сѣлъ на кровати и медленно выпрямился: еще хуже. Придвинулъ подушки къ стѣнѣ, легъ, прижался лбомъ къ холодной стѣнкѣ и сталъ вслушиваться въ безуміе своей лихорадки. Понемногу все въ немъ утихло. Кровь хлынула къ сердцу. Кашлянулъ свободно, безъ боли.

Ждалъ — вотъ опять повторится припадокъ.

Нѣтъ! Сердце билось почти спокойно. Только руки, — воспаленныя влажныя руки.. Только руки горѣли, жаркія, влажныя...

Странно: каждый разъ, когда онъ разставался со своей женой, у него регулярно повторялись эти болѣзненные явленія. Охъ, она должна бы теперь быть съ нимъ: только бы держать ея руки въ своихъ, и все бы прошло. Онъ уснулъ бы, несомнѣнно уснулъ — сейчасъ же!

И снова стало подступать. Тѣло дрожало, что-то давило горло, руки судоржно сжимались.

Больная тоска о ея рукахъ, больная жажда — прижать ея тѣло къ себѣ, положить голову на ея грудь: онъ такъ ясно чувствовалъ, какъ ея рука скользить съ легкой дрожью по его тѣлу. Это чувство было такимъ сильнымъ, какъ въ ясновидѣннн, — точно органъ осязанія сталъ у него самостоятельнымъ органомъ, одареннымъ только ему свойственной памятью. Онъ различалъ всѣ тончайшіе оттѣнки чувствъ, которые испытывалъ при дѣйствительномъ прикосновеннн.

И тоска росла, зацвѣла и распустилась дикимъ цвѣткомъ.

Больное желаніе корчило его пальцы и дергало нервы. Онъ свернулся въ клубокъ, точно хотѣлъ уйти въ собственное тѣло. Сердце билось, какъ испуганная птица, а страхъ и ужасъ вздымались все выше, все сильнѣе пѣвились. Чувствовалъ, какъ кровь переполняетъ ткани и разрываетъ ихъ.

Дрожащими руками сталъ искать спичекъ, зажегъ свѣтъ и долго стоялъ безъ движенія.

Только, ради всего святого, не поддаваться этой мукѣ!

Думать, думать о чемъ-нибудь тихомъ и миломъ, что можно подложить подъ бѣдную голову, какъ

мягкую подушку, и отдохнуть! Вдругъ замѣтилъ письмо на столѣ.

Какъ же онъ за весь день не подумалъ заглянуть, нѣтъ ли письма?...

Съ нимъ происходило что-то необыкновенное. Онъ былъ точно въ глубокомъ снѣ. И теперь боялся вскрыть конвертъ. Можетъ быть, какія-нибудь непріятности?

Нѣтъ, этого бы онъ не вынесъ!...

Разозлился на самого себя.

Смѣшно, что ничтожная лихорадка свалила его съ ногъ.

Хе, хе, не побѣдить пустячной лихорадки! Хе, хе, такую лихорадку онъ еще побѣдитъ! Вѣдь онъ переживалъ гораздо худшее.

Мялъ письмо въ рукѣ.

Ходилъ по комнатѣ, закурилъ папиросу, забылъ обо всемъ...

Вдругъ:

Да, письмо, письмо...

Разорвалъ конвертъ, но буквы плясали у него передъ глазами; долго смотрѣлъ на рой черныхъ буквъ; наконецъ, собралъ всю силу своей воли и заставилъ себя читать.

Читалъ долго. Буквы такъ странно живы. Онъ точно слышалъ ея голосъ, только перевоплощенный какую-то новую форму:

»Мой дорогой, мой единственный! Ты!... Ты!...

Прошла уже цѣлая недѣля съ тѣхъ поръ, какъ ты уѣхалъ.

Ты видѣлся съ матерью? Съ Агай ты встрѣчаешься часто? Правда? Ей, вѣрно, въ тягость вѣчно

быть посредникомъ между тобой и матерью. Ахъ, я ее такъ люблю, люблю, почти такъ же, какъ тебя, и такъ часто думаю о ея любви къ тебѣ. Ея любовь такая странная. Она любитъ тебя, не какъ сестра. Я никогда не видѣла ничего подобнаго между родственниками.

Вы часто бываете вмѣстѣ?

А завтра — вторая годовщина нашей свадьбы! Подумай только — два года! Ты, должно быть, забылъ о вчерашнемъ днѣ? Но я, конечно, получу отъ тебя завтра длинное, хорошее письмо... Или — или... Я не смѣю даже надѣяться, — но, можетъ быть, ты самъ приѣдешь?..

Нѣтъ! Нѣтъ! Оставайся лучше... Мнѣ кажется, что тебѣ тамъ хорошо, и эта мысль дѣлаетъ меня счастливой. Ты такъ усиленно работала все время; теперь тебѣ надо немного отдохнуть, подышать новымъ воздухомъ.

Но если бы ты приѣхалъ! Ахъ, какъ была бы я счастлива. Я тебя такъ люблю, Ты... Мой...

Вѣдь ты здоровъ, правда? Тогда оставайся лучше еще на нѣсколько дней, оставайся, дорогой.

А знаешь? Иногда я ревную тебя къ Агай; иногда я боюсь, что ты любишь ее больше меня. Но вѣдь это глупости, правда? Поцѣлуй ее тысячу разъ и скажи, что я ее люблю, что она — мой единственный другъ.

Прощай, дорогой! — До свиданья.

Сталъ опять перечитывать письмо съ самаго начала.

«Она любитъ тебя, не какъ сестра»...

Яркій свѣтъ пронзилъ его душу. Вдругъ уви-

дѣлъ Агай, тутъ, рядомъ съ собой. Черное шелковое платье съ горячей лаской плотно прижалось къ ея стройному, нѣжному тѣлу. Онъ чувствовалъ сквозь платье ея тонкія, нѣжныя формы.

Ходилъ по комнатѣ, дрожа отъ страха.

Не уходила. Все еще видѣлъ ее — тутъ передъ собою. Обнажалъ ее глазами, насыщался; опьянялся ея красотой — и вдругъ захотѣлъ ее, съ безумною, дикою страстью.

Мозгъ его помутился въ жару желанія

Но вѣдь Агай — моя сестра! — крикнуть въ немъ страхъ и ужасъ.

Вдругъ услышалъ ея голосъ.

Понялъ все, въ чемъ не могъ бы признаться себѣ три часа тому назадъ.

...«Она любитъ тебя, не какъ сестра»...

Эти слова все глубже ввинчивались въ его душу. Точно маленькая искра упала на дно души, зажгла въ ней огонь, — а теперь уже безумствуетъ пожаръ.

„Когда ты въ послѣдній разъ уѣзжалъ за границу, я думала, что съ ума сойду“... Когда она это говорила, онъ не обратилъ никакого вниманія и только теперь понялъ ихъ значеніе...

Сталъ раскрывать глаза все шире, шире: этотъ страшный свѣтъ ослѣплялъ его.

Это безуміе — отъ лихорадки! Боже, Боже, что же дѣлать?

Надо бодрствовать, надо слѣдить изо всѣхъ силъ, какъ бы опять не повторилось... Родная сестра!.. Вѣдь это безуміе!

Разсмѣялся безумнымъ смѣхомъ. Смѣялся, пока не испугался собственнаго смѣха.

Да, да... лихорадка дѣлаетъ громадныя успѣхи. Какъ онъ безсиленъ! Надо лечь, вытянуться, вслушиваться въ себя, — тогда сердце успокоится.

Раздѣлся и положилъ спички около кровати.

— Онѣ мнѣ, вѣрно, скоро понадобятся, — улыбнулся онъ тихо.

Потушилъ лампу. Невыносимая жара! Одѣяло давило его страшной тяжестью: сбросилъ его.

Вдругъ мозгъ ослабѣлъ; онъ утопалъ въ невыразимомъ покоѣ.

Отрывки мыслей плыли въ его душѣ, раскачиваясь, какъ изодранные клочья тучъ послѣ бури.

Въ глазахъ мигала какая то искра, точно блуждающій огонекъ надъ зеленымъ болотомъ.

Онъ смотрѣлъ и слѣдилъ, какъ она подскакивала зигзагами, взвивалась вверхъ, падала внизъ тяжело и быстро, какъ падучая звѣзда. Видѣлъ, какъ она съ быстротой молнии проносилась надъ болотомъ, описывала частые круги, все быстрѣй и быстрѣй, пока круги не слились въ цѣлый поясъ свѣта, что озарялъ зловѣщимъ отсвѣтомъ страшную красоту болота.

Зеленое мертвое солнце росло, разливалось огненной лавой, жадными языками лизало мракъ и разрывало его въ кровавые клочья. И вдругъ пламенные языки взвились вверхъ, точно громовыя фанфары бурь, вздымались все выше и выше, — со страшной силой ударились въ небо и разбились о его своды.

Онъ видѣлъ, какъ эти языки старались еще пробиться сквозь нихъ, но понемногу ломались,

расползались по небу и сплелись въ сладострастные клубы огненныхъ змѣй.

А въ кипящемъ ураганѣ свѣта выросла вдругъ страшная пѣсня.

Отчаяніе — точно открылись тысячи могилъ. Точно небо разверзлось, и Сынъ Человѣческой снизошелъ на землю, чтобы судить добрыхъ и злыхъ.

Милліоны рукъ поднимались въ мучительномъ страхѣ смерти, — руки молили о пощадѣ и милосердіи. Онъ слышалъ звѣриный ревъ, что, какъ море дымящейся крови, брызгалъ гейзеромъ къ небу, — а надо всѣмъ видѣлись костлявые пальцы: они корчились и сжимались въ судорогахъ страха и кричали къ небу.

»Ad te clamamus exules filii Hevae, ad te supi-
gamus gementes et flantes in hac lacrimarum valles«.

И видѣлъ онъ шестіе тысячныхъ толпъ, бичуемыхъ бѣшенымъ экстазомъ, разрушенія, а надъ ними небо, дышавшее огнемъ и заразой. Видѣлъ, какъ эти желкія существа извивались и лизжали въ адской пляскѣ жизни; видѣлъ спины, изборожденные, изрѣзанныя ремнями и желѣзными прутами; видѣлъ все человѣчество бѣснующимся, одержимымъ, видѣлъ вдохновенное безуміе въ его озвѣрѣвшихъ глазахъ.

Понемногу удалялось шестіе грѣшниковъ: дикій, полный отчаянія ревъ гасъ въ хрипѣ предсмертной борьбы, а солнце, красное, какъ мѣдь, бросало переливчатые зеленые отсвѣты на море крови.

— «Ad te clamamus exules filii Hevae», — и онъ слышалъ чей-то зловѣщій хохотъ. Тѣло его медленно оплетали члены женщины, маленькія руки обняли его шею, сжали мучительно, и двѣ дѣвственныя

груди воспаленнымъ жаромъ впились въ его тѣло. Задыхался. Ея дыханіе жгло его, губы всасывались со стономъ въ его уста; какъ до-бѣла раскаленное желѣзо, горѣло ея тѣло. И снова слышалъ, какъ приближается шествіе грѣшниковъ и безумцевъ, какъ оно вьется и клубится, точно запутанный комъ рукъ, погъ и тѣлъ, что кусались, отталкивали другъ друга разъяренными кулаками, толкались, отрывались другъ отъ друга и не могли оторваться. Пѣсня стала ревомъ остервенѣвшихъ звѣрей, отчаяніе взрывалось адскими фанфарами бѣшенства, а руки заламывались въ страшномъ Аллилуйя разрушенія.

Онъ смѣялся, кричалъ и все сильнѣе прижималъ ея тѣло къ себѣ.

Чувствовалъ, какъ бьется ея сердце у его груди — тяжело, глухо, словно разбитый колоколь.

Вдругъ онъ почувствовалъ два сердца, — два сердца гнали кровь его въ мозгъ, два сердца терлись другъ о друга, нанося раны.

... «Ad te supiramus gementes et flentes in hac lacrimarum valle». И вотъ взорвалось отчаяніе, разверзлась бездна ненависти, жажды мести, преступнаго безумія; онъ видѣлъ, какъ чудовище — человѣчество — оплевывало небо, забрасывало грязью все святое, и грудь его разрывалась отъ хриплаго бѣшеннаго крика:

— Преступникъ! За что ты караешь насъ, преступникъ?

И съ невыразимой тревогой бросился онъ на нее, — тѣло ея пѣнилось, она рвала зубами кожу на его шеѣ, впилась пальцами въ его грудь.

Но онъ былъ сильнѣе. Желѣзными руками по-

бороль ея безуміе: дикій ураганъ бури разбился въ протяжный, хриплый стонъ.

Онъ еще держалъ ея тѣло въ сильныхъ объятіяхъ; но вотъ оно упало въ его рукахъ безсильное, безвольное. Въ его рукахъ дрожало ея сердце, какъ гаснущее пламя. Отцѣла послѣдняя дрожь, — и безмѣрно тихое счастье разлилось въ его крови.

Но вотъ: тихо и медленно ускользнула она изъ его объятій; хотѣлъ схватить ее, привлечь къ себѣ, прижать, — напрасно. Исчезла.

— Агай! — кричалъ онъ, — Агай!

Онъ искалъ ее въ страшномъ отчаяннн, — вдругъ споткнулся, упалъ — и пришелъ въ себя.

Онъ лежалъ на полу.

Страхъ ослабилъ клѣтки и ткани его мозга.

— Онъ, дѣйствительно, сходитъ съ ума?

Собравъ послѣднія силы, онъ выбросилъ изъ головы всѣ мысли, съ отчаяніемъ сталъ рыться въ грудяхъ воспоминаній, но дьявольскій бредъ лихорадки переливался брызжущей волной въ его душѣ: онъ твкъ ясно чувствовалъ ея горячее дыханіе, ея воспаленныя губы, ея знойныя груди. Это Агай... Агай-призракъ, Агай-вампиръ!

Да, это была она. Она раздвоилась. Она и дома, и у него. Чувствовалъ, что страхъ убьетъ его. Хотѣлъ зажечь свѣчу, но руки дрожали и прыгали, какъ послѣдніе язычки догорѣвшей головни.

Наконецъ. это ему удалось.

На минуту успокоился.

И вновь, и вновь имъ овладѣлъ дикій пароксизмъ желанія и тоски по Агай.

И вновь, и вновь хотѣлъ онъ броситься въ

страшные омуты и круговороты болѣзненных оргій.

Стоить только погасить свѣчу, — и онъ переживетъ все это снова.

Но страхъ сковаль его желаніе...

Цѣлый потокъ страха остановился въ его мозгу: онъ за это заплатитъ жизнью.

Схватилъ какую-то книгу. На первой страницѣ былъ его собственный портретъ.

Взглянулъ, — кровь застыла отъ ужаса. Взглянулъ снова: линіи оживали. Лицо стало подвижнымъ, росло, губы раскрывались, точно вотъ-вотъ скажутъ какое-то слово, живое слово...

Перелисталь нѣсколько страницъ и сталъ читать вслухъ. Но голосъ былъ въ его ушахъ, какъ голосъ чужого человѣка, — грохоталь въ его мозгу; онъ чувствовалъ, что тотъ, другой, выглядываетъ изъ за страницъ, каждую минуту можетъ выползти, вырасти изъ книги, впитаться въ него страшными блуждающими глазами.

Вся книга точно оживала, шевелилась въ его рукахъ; швырнулъ ее въ ужасѣ, но она шевелилась, ползла по землѣ; тотъ, другой, медленно выползалъ изъ нея; вотъ, вотъ, онъ его увидитъ.

Вскочилъ съ кровати, бросился всѣмъ своимъ тѣломъ на книгу, схватилъ ее, разорвалъ въ куски, — но чувствовалъ, что книга подъ его тѣломъ растетъ, разбухаетъ и медленно поднимаетъ его.

— Это сумасшествіе! Сумасшествіе! — кричало что-то въ немъ съ какимъ-то страшнымъ, послѣднимъ усиленіемъ,

Пришелъ въ себя.

Безсиліе сковало его сердце. Упалъ на кровать и съ безумнымъ отчаяніемъ повторялъ: Это сумасшествіе! Суласшествіе!

И снова его рвало воспоминаніе о только что пережитой оргіи.

Больное желаніе стало бичевать его, тѣло начало поддаваться, голова свѣсилась, мозгъ тонулъ въ безсильной расслабленности; но вдругъ онъ всталъ машинально, помимо воли и сознанія, одѣлся, какъ во снѣ, и вышелъ на улицу.

Оглянулся: онъ былъ, дѣйствительно, на улицѣ. Не совсѣмъ понималъ, какъ спустился внизъ, но былъ счастливъ, что выбрался, наконецъ, изъ этого адскаго гнѣзда, гдѣ сатана справлялъ свой шабашъ.

Сѣлъ на ступеняхъ какого-то памятника, оперся головой на руки и впалъ въ лихорадочный полусонъ.

Вдругъ вскочилъ: кто-то стоялъ передъ нимъ.

Взглянулъ. Въ невѣрномъ, холодномъ свѣтѣ первыхъ проблесковъ разсвѣта увидѣлъ дѣвушку, — видѣлъ только, что она очень блѣдна, и что у нея большіе, широко открытые глаза. Они долго смотрѣли другъ на друга.

— Я пойду съ тобой, — шепнулъ онъ.

— Иди, — она быстро пошла впередъ.

— Не иди такъ быстро, иди медленнѣе. Я такъ полонъ тревоги и страха. Но ты будешь держать мои руки, и я сейчасъ же засну... Я не такой, какъ другіе мужчины, — прибавилъ онъ черезъ минуту.

Она смотрѣла на него съ удивленіемъ.

Вдругъ остановились,

— Но вѣдь ты еще ребенокъ, — онъ смотрѣлъ на нее долго, пристально, — я могъ бы тебя взять на руки и отнести домой. Ты такъ легко идешь, что я не слышу твоихъ шаговъ...

— Иди, иди: еще очень далеко.

— Далекое? А я едва иду...

— Дай руку. Такъ...

— Ты будешь держать мои руки въ своихъ, крѣпко, очень крѣпко, даже когда заснешь, хорошо?

— Хорошо, хорошо...

— Далекое еще?

— Сейчасъ, сейчасъ!

Они долго шли, молча.

— Здѣсь, — шепнула она.

— Здѣсь?

Взошли на лѣстницу.

— Иди, иди — она поцѣловала его. — Мы оба такъ страшно устали... такъ страшно устали; я буду спать съ тобою и держать твои руки.

Онъ легъ и обнялъ ее, какъ ребенка.

Она обхватила руками его шею.

— Такъ ты будешь чувствовать меня сильнѣй,
— сказала она серьезно.

— Кто ты? — спросилъ онъ тихо.

Не отвѣтила.

Заснулъ каменнымъ сномъ.

Они сидѣли на верандѣ кафэ.

Былъ поздній полдень. Дома бросали тяжелыя, рѣзкія тѣни. Густая листва деревьевъ пестрѣла пурпурными пятнами. Вдали дерево — съ совершенно пожелтѣвшими листьями, — а когда онъ

смотрѣлъ внизъ, тамъ пламенѣла цѣлая радуга безпокойныхъ, лихорадочныхъ красокъ отъ болѣзненнаго, почти чернаго пурпура до блѣднаго желто-краснаго тона. Онъ смотрѣлъ на предсмертную агонію природы и внимательно слѣдилъ за малѣйшими оттѣнками въ окраскѣ листьевъ.

— Ну, что же ты не скажешь ни слова? Мы будемъ сидѣть такъ все время?

Агай была очень возбуждена.

Взглянулъ на нее и странно усмѣхнулся.

— Отчего ты такъ смотришь на меня? — спросила она съ гнѣвомъ. Они долго, пристально смотрѣли другъ на друга. Вдругъ она покраснѣла и опустила глаза.

— Ты еще никогда не смотрѣлъ на меня такъ — такъ странно... — шепнула она тихо.

Онъ придвинулся къ ней.

— Да, Агай, — я еще никогда не смотрѣлъ такъ на тебя. Но вчера ты не была для меня тѣмъ, что ты сегодня. Я до сихъ поръ не зналъ тебя.

Она пристально взглянула на него

— Сегодня я смотрю на тебя не такъ, какъ вчера. — Онъ помолчалъ минуту... — Отчего я молчу? оттого, что не хочу сказать тебѣ что-нибудь страшное.

Она вскинула голову и смотрѣла на него вызывающе.

— Но вѣдь я цѣлые годы жду того, что ты называешь страшнымъ. Всю свою жизнь жду и жажду услышать это отъ тебя. Скажи же, наконецъ! — Онъ впился въ нее глазами. Она избѣгала его взгляда.

— Я говорю страшно серьезно, Агай. Быть можетъ, я никогда въ жизни не былъ такъ серьезень.

— Въ самомъ дѣлѣ? — Но отчего же тебѣ не быть серьезнымъ?

Онъ злобно улыбнулся.

— Хе, хе, — ты любопытна, ты хочешь выпытать у меня что-то.. Но развѣ ты, дѣйствительно, не знаешь, что я хочу тебѣ сказать? Не чувствуешь этого.

Она молчала.

— Не чувствуешь? — Онъ вдругъ задрожалъ. Молчаніе.

— Пей же, — засмѣялась она коротко. — Отчего ты не пьешь? А?.. Тебя, вѣрно, опять лихородка мучить?

Бѣдненькій!

Залпомъ выпилъ рюмку Дрожалъ все сильнѣе.

— Ну, такъ скажи же мнѣ, наконецъ, это страшное... Развѣ ты не видишь, что я умираю отъ любопытства?

— Сказать?.. сказать?..

— Зачѣмъ же тебѣ молчать; Ну, пей, пей, — у тебя жилы выступили на лбу, точно хотятъ разорвать кожу.

— Агай, помнишь ты ту ужасную ночь, — тогда..

Она вздрогнула.

— Помнишь?

— Нѣтъ!

— О, о, — ты помнишь очень хорошо. Да въ-надцать лѣтъ ты объ этомъ думаешь вѣчно. Чего ты лжешь? Хе, хе... Тебѣ было двѣнадцать, три-

надцать лѣтъ — да? Ты боялась грозы и прибѣжала ко мнѣ въ кровать; я долженъ былъ рассказывать тебѣ сказки...

Она принужденно разсмѣялась.

— И я рассказывалъ тебѣ всю ночь. И мучился, придумывая новыя сказки.

Ея пальцы блуждали съ нервнымъ безпокойствомъ по мраморной доскѣ стола.

— Дождь молній и огня лилъ съ неба. И каждый разъ, какъ разверзлось небо, и комната освѣщалась зеленымъ свѣтомъ, мы крестились съ ужасомъ: — И Слово стало Плотью... Хе, хе, не помнишь? . .

И рыцарь ѣхалъ на черномъ конѣ, у коня были золотыя подковы... Снова заревѣло небо, и его разорвалъ кровавый огонь: и Слово стало Плотью.. И рыцарь подѣхалъ къ заколдованной горѣ, которую охранялъ страшный великанъ. . . И Слово . . . Помнишь? Такъ было всю ночь. И вдругъ: страшный громъ, грохотъ, когда молнія ударила въ тополь передъ нашимъ домомъ. Ты бросилась ко мнѣ на грудь, и прижалась ко мнѣ въ ужасѣ . . . Я до сихъ поръ чувствую, какъ сильно обнимали меня твои худенькія руки, чувствую твое воспаленное тѣло.. У тебя тоже была лихорадка. Тебя всегда лихорадило.

Она низко опустила голову. Онъ не могъ видѣть ея лица. Его заслоняла шляпа.

— Ну, пей, пей! — сказалъ онъ съ таинственной улыбкой. — Твое здоровье, Агай!

— Хе, хе, ты пьешь, какъ заправскій пьяница. Это я тебя научилъ. Ты дѣлала все, чтобы нра-

виться мнѣ. Охъ, какъ ты меня тогда любила. А теперь, Агай! Тепергъ?..

У него захватило дыханіе.

Молчала.

— А тепергъ?—молилъ онъ.

— Ну, и вотъ—все то страшное, чѣмъ ты мнѣ грозилъ?—Она говорила почти съ презрѣніемъ.

Онъ громко разсмѣялся.

— А, ты скоро овладѣла собой! Сначала ты дрожала отъ волненія. Я еще вижу, какъ дрожать твои руки, какъ горять красныя пятна на лицѣ.

Она взглянула на него злыми глазами. Онъ отвѣтилъ ей циничной усмѣшкой.

— О, нѣтъ, дорогая. Это еще не все... Охъ, какъ ты внимательно все это слушаешь... Я проснулся подъ утро. Не могъ спать. Освободился осторожно изъ твоихъ объятій. Ты уснула на моей груди, заложивъ мнѣ руки на шею. Я всталъ и началъ одѣваться. И вдругъ увидѣлъ тебя. Да, совершенно неожиданно. Раньше я никогда не видѣлъ тебя. Понимаешь, о чемъ я думаю. Было очень душно одѣяло свалилось на полъ, и ты лежала совсѣмъ открытая.

Онъ хрипло смѣялся.

— Ты спала тогда? Скажи, ты ждала минуты, когда вдругъ я увижу тебя...

Шепнулъ ей это на ухо.

Взглянула на него. Ея лицо подергивалось. Глаза были залиты какимъ-то пылающимъ блескомъ. Медленно и жадно всасывалась она въ него глазами. Чувствовалъ, какъ огненные струи разливались по его крови.

— Слышишь, что я говорю? — шепталъ онъ съ дрожью. — Слышишь? Одѣяло упало, и ты лежала совсѣмъ открытая. И я увѣренъ, что ты не спала, что ты всю ночь не сомкнула глазъ. Я увѣренъ, что твой жаждущій взглядъ подѣ длинными рѣсницами вползалъ въ мою кровь. Ну? Отчего же ты не возмущаешься?

Она еще ниже опустила голову.

Онъ вдругъ овладѣлъ собой.

— Я смотрѣлъ на тебя съ какимъ-то страхомъ и ужасомъ, Не могъ оторвать глазъ отъ твоего тѣла. Сердце такъ билось, что я шатался.

— А потомъ? — прошептала она

— Потомъ... потомъ...—его голосъ дрожалъ и прерывался,—потомъ я упалъ на тебя и сталъ цѣловать...

— Мои губы? — она едва выговорила эти слова.

— Нѣтъ... Твое тѣло... Ты знаешь, ты помнишь; охъ, помнишь, вѣдь ты не спала тогда. . А по тѣлу твоему пробѣгала дрожь, какъ рѣчные волны.

Теперь она взглянула на него долго, пристально. Лицо ея точно вдохновилось страданіемъ, а глаза горѣли безконечной, жестокой мукой.

— Говори! Говори еще! Говори! — шептала она быстро.

— Я забылъ тебя потомъ. Не видѣлъ тебя почти двѣнадцать лѣтъ. Женился... И забылъ, что ты для меня больше, чемъ сестра Нѣтъ правда. . . Въ прошломъ году, когда я тебя встрѣтилъ въ первый разъ... Мы были вмѣстѣ, какъ сегодня, только больше пили! Вдругъ ты стала такъ странно раздражительной, издѣвалась надо мною, дѣлала мнѣ разные

неприятные намеки и вдругъ бросилась на меня и укусила мнѣ до крови губы. Меня бросило въ жаръ.

— Я укусила тебя? она злобно разсмѣялась.

— А по смѣху, когда ты принесла мнѣ утромъ кофе въ постель...

Вскочила.

— Ты сошелъ съ ума, что ли? Вѣдь не станешь ты увѣрять себя, что я люблю въ тебѣ мужчину.

Тихо разсмѣялся.

— Вотъ ты и выдала себя. Ты никогда не любила меня, какъ сестра. Ты всегда хотѣла меня такъ, какъ я хочу тебя теперь! А помнишь? Были твои именины, мама созвала всѣхъ дѣтей по сосѣдству. Мы играли въ прятки. Ты все время старалась прятаться со мной въ самые темные уголки. И прижималась ко мнѣ, прижималась такъ горячо, какъ можетъ прижиматься только женщина къ любимому мужчине. Взгляни же на меня, дай взглянуть въ твои глаза.. Помнишь, какъ мы прижимались другъ къ другу съ такимъ наслажденіемъ, какого дѣти не знаютъ... Ты пробудила во мнѣ мужчину.

Вдругъ оборвалъ. Ему показалось, что онъ сказалъ слишкомъ много, слишкомъ много..

Она разсмѣялась долгимъ, злобнымъ смѣхомъ.

— Ты, вѣрно, хочешь написать новый романъ. Какуюнибудь страшную исторію о кровосмѣсительной любви между родственниками? Ха-ха-ха.. Какой ты смѣшной Ты этимъ хочешь провести меня?

— И не думай. Ты мнѣ не вѣришь? Не довярешь мнѣ? Слушай, Агай, развѣ ты не слышишь въ моемъ голосѣ печали и серьезности? Зачѣмъ ты

оправдываешься? Отчего не хочешь сознаться, что любишь меня. Развѣ ты не говорила мнѣ вчера, что чуть не сошла съ ума, когда я въ послѣдній разъ уѣзжалъ за границу. Ты думаешь, я не знаю, что ты украла у матери деньги, чтобы послать ихъ мнѣ когда я нуждался... Почему, почему ты отрицаешь, что любишь меня?

— Я люблю тебя, какъ брата, ничуть не больше.

— Ха, ха, ха! Такъ вотъ какъ любятъ братьевъ! Отчего ты такъ поблѣднѣла, отчего ты дрожишь такъ, отчего такъ дрожатъ твои руки? И много пьешь ты, чтобы заглушить въ себѣ то, что я говорю. Не мучь меня такъ.

Онъ былъ очень печаленъ и утомленъ.

— Не мучь меня! Я такъ безконечно счастливъ, что ты меня любишь...

— Люблю тебя! — прохрипѣлъ онъ вдругъ, — люблю, люблю, люблю. — Голосъ его замеръ, какъ волна, что разбилась о берегъ.

Наступило долгое молчаніе. Оно продолжалось странно долго.

— Ты поняла, наконецъ? — спросилъ онъ тихо. Не отвѣтила.

— Вчера вырвалась эта страшная тайна изъ моей души... — Ты была при мнѣ ночью. Перестала быть моей сестрой...

Она смотрѣла на него съ ужасомъ. Страданіе дрожало вокругъ ея губъ. Они смѣрили другъ друга глазами; глаза впились другъ въ друга неразрывно.

— Это страшно, — шептала она Больной страхъ дышалъ лихорадкой на ея лицѣ.

— Да, это страшно, — повторилъ онъ, какъ бы не сознавая.

И снова долгое молчаніе.

Вдругъ она встала.

— Иди домой. Иди, иди!..

Удивился. Никогда еще не слышалъ онъ мольбы въ ея голосѣ.

— Нѣтъ, Агай, я не могу оторваться отъ тебя.

— Но чего же ты отъ меня хочешь? — крикнула она съ подавленнымъ бѣшенствомъ.

— Ничего, ничего. — чего же я могу хотѣть отъ тебя?..

Усмѣхнулся безумной усмѣшкой.

— Вчера еще было что-то, чего я боялся... Кровососѣнительная любовь или, какъ это тамъ называется, — хе, хе... Я былъ въ страшномъ отчаяніи, когда убѣдился, что женщина, съ которой я безумствовалъ сегодня ночью, была моя сестра.

Сегодня у меня уже нѣтъ сестры, Сегодня я вижу передъ собой только Агай, какую-то чужую женщину, которую люблю больше всего на свѣтѣ, быть можетъ, отъ того, что она — кровь отъ моей крови, плоть отъ моей плоти.

Вдругъ оборвалъ.

— Агай... Ты боишься этой любви?

— Нисколько не боюсь! — Она презрительно разсмѣялась.

— Но? но? — Онъ смотрѣлъ на нее съ такимъ ужасомъ, точно рѣшалась судьба всей его жизни.

Окинула его холодными глазами. Что-то стыло и леденѣло въ его душѣ.

— Но?.. ты спрашиваешь: но? Никакого „но“ нѣтъ: ты не существуешь для меня, какъ мужчина, Ты только мой братъ.

— Лжешь! Лжешь! Зачѣмъ ты меня мучишь своей ложью? Не убивай то, что самое святое во мнѣ, то, чѣмъ я живу, въ чемъ сущность моей души.

— Ты забылъ о своей женѣ. Тебя мучить лихорадка. Руки у тебя горячія, жаръ твоихъ глазъ разливается въ моей крови, какъ ядъ белены... Я не хочу тебя видѣть больше, — ты душу мою разрушаешь, — иди... иди...

Она вдругъ пришла въ себя и вскочила.

— Какъ это страшно, какъ безконечно смѣшно. У тебя жена красавица, прекрасная женщина... а тебѣ, — она задыхалась, — этого мало, ты хочешь другую, и вдобавокъ — свою сестру...

— Хе, хе... ты хочешь меня такъ же, какъ я тебя... только боишься, боишься... У тебя не хватаетъ смѣлости признаться. Но, когда я сказалъ тебѣ вчера, что сегодня, быть можетъ, уѣду, — ты думаешь, я не видѣлъ твоихъ мученій и тѣхъ усилій воли, которыя ты дѣлала, чтобы не показать, какъ мучишься? Я уважаю свою жену, но тебя люблю. Пойми же, наконецъ, что я тебя люблю, Съ дѣтства тосковала ты объ этомъ словѣ — «люблю!» Ты дрожала отъ жажды услышать его онъ меня.

Ты хотѣла вынудить его у меня, а теперь хочешь меня оттолкнуть? Можетъ быть, не вѣришь, что я говорю это серьезно... Все это я сказалъ тебѣ такъ неожиданно, такъ вдругъ, — но клянусь, я никогда еще не говорилъ съ такой страшной серьезностью.

Теперь я живу только этимъ чувствомъ; мозгъ мой съ какимъ-то дикимъ наслажденіемъ углубляется въ тѣ времена, когда ты еще не умѣла скрывать своего желанія. Что-то открылось въ моей душѣ; нагимъ лежитъ у меня передъ глазами — сокровенное и забытое. Я вспоминаю каждое слово, которымъ ты ласкала меня двѣнадцать лѣтъ назадъ, каждое движеніе, каждый взглядъ, каждое прикосновеніе... все то, что еще вчера было навсегда похоронено въ моемъ мозгу... навсегда, такъ мнѣ еще вчера казалось.

Онъ шатался, потерялъ нить мыслей... на минуту задумался.

— Охъ, нѣтъ, нѣтъ... я люблю тебя не со вчерашняго дня. Я всегда, всегда тебя любилъ. Это только странная случайность, что я лишь вчера это созналъ. Я всегда тосковалъ по тебѣ.

Душа его наполнилась мукой, что-то сжимало горло, холодная дрожь пробѣгала по тѣлу; дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ.

— Я преклонялся передъ твоей любовью, любилъ ее до безумія. Я дрожалъ и трепеталъ весь, когда ждалъ отъ тебя письма. А когда, наконецъ, получалъ его, то читалъ, читалъ неустанно. Читалъ все, что ты не хотѣла писать или не могла, но что пульсировало въ каждомъ словѣ горячей кровью, — цѣлыми недѣлями носилъ я твои письма съ собой, ласкалъ ихъ руками, цѣловалъ, прижималъ къ груди, когда еще не могъ предчувствовать, что ты станешь для меня тѣмъ, что ты сегодня.

— Охъ! Я люблю каждое твое слово, люблю твою душу, которая такъ возлюбила страданья

муки, что не знает такихъ мукъ, которыя могли бы заполнить ее всю, люблю твое сладкое смуглое личико съ бездонными глазами, люблю шелкъ, что съ такой лаской льнетъ къ твоему тѣлу, люблю формы твоего тѣла, чувствую, какъ оно оплетаетъ меня, какъ твои маленькія груди со знойнымъ жаромъ впиваются въ мое тѣло.

Онъ задыхался и не находилъ словъ. Все обезумѣло въ немъ, мозгъ заливала страшная волна крови. А потомъ говорилъ опять и опять, бессвязно, механически — слова вырывались помимо воли, помимо памяти, больныя огненныя слова, точно выброшенные вулканомъ.

Она судорожно схватила его руку, вгрызлась пальцами въ его ладонь, щипала и царапала кожу, то вдругъ хватала, ласкала и гладила руку: было страданіе, страхъ, крикъ въ этой безумной, горячей рукѣ.

Ею овладѣло вдругъ страшное безпокойство. Она уже ничего не слышала, въ глазахъ почернѣло. Заломила руки такъ, что хрустнули суставы, сжала такъ кулаки, что ногти налились кровью, и снова распрямила пальцы судорожнымъ движеніемъ.

— О, Боже! — простонала она.

И вдругъ отодвинулась отъ него.

— Ни слова больше! — крикнула она, — ни одного слова! Иначе уйду! сейчасъ уйду! Не хочу ничего слышать.

Поникъ головой.

— Не бойся, не бойся. Я больше ничего не скажу, даже если бы хотѣлъ, — не могу.

Молчаніе. долгое молчаніе, что медленно перерѣзало одинъ нервъ за другимъ.

— Пойдемъ, — сказала она твердо и встала изъ-за стола.

— Куда?

— Развѣ тебѣ не все равно, куда мы пойдемъ, разъ ты со мной? — Она язвительно засмѣялась. — Вѣдь ты хочешь быть со мной?

— Но только съ тобой! Съ тобой одной! Я чувствую отвращеніе къ людямъ. Больное, непреодолимое отвращеніе. Дрожь пробѣгаетъ у меня при мысли, что мнѣ придется встрѣтиться въ людьми.

— Пойдемъ! — приказала она твердымъ, сухимъ голосомъ.

Онъ взглянулъ на нее съ удивленіемъ. Посидѣлъ еще минуту, не переставая глядѣть на нее все тѣми же удивленными глазами, потомъ всталъ и пошелъ.

— Никогда еще никто не приказывалъ мнѣ, — и ея тебя слушаюсь.

Онъ злобно разсмѣялся.

— И ты хочешь лгать мнѣ еще, что любишь меня только, какъ сестра? Ты любишь во мнѣ только мужчину. Ты ждала, когда я скажу тебѣ: люблю, — и сразу измѣнилась.

— Хе, хе. . теперь ты знаешь что можешь приказывать мнѣ. Прежде ты на это не рѣшалась. Откуда сразу этотъ инстинктъ, которымъ обладаетъ только любящая женщина? Откуда это ухо, чуткое къ слову: «люблю тебя» — и къ тѣмъ правамъ, которыя присваиваетъ себѣ женщина только тогда, когда любить? Зачѣмъ ты лжешь? Ты тоскуешь по мнѣ, хочешь меня, какъ я тебя. Ты... Ты...

Она остановилась и взглянула на него холодно и рѣшительно.

— Клянусь тебѣ, чѣмъ угодно, что если ты не замолчишь, я уйду!

Онъ громко засмѣялся.

— Попробуй, попробуй! Иди, иди, куда хочешь... хе, хе... не можешь? Не можешь отъ меня оторваться? Охъ, какъ ты красива! Какъ дрожитъ твое лицо, какъ горитъ...

Хе, хе, хе... Гдѣ я потерялъ мою сестру?

Онъ взялъ ее подъ руку и лихорадочно, со страхомъ прижалъ ее руку къ груди.

— А все-таки, Богъ знаетъ, — можетъ, ты бы и вырвалась...

Я не увѣренъ. Ты хочешь мучить себя. Твоя душа жаждетъ все новыхъ и новыхъ мученій. Ты одна изъ тѣхъ, которыя могутъ найти счастье только въ аду. Ахъ, какъ ты меня мучишь. Ты съ наслажденіемъ велѣла бы четвертовать мое тѣло, только бы насытить сердце видомъ моихъ страданій! Хе, хе.. Je m'y connais: это высшее наслажденіе, но мои нервы слишкомъ слабы для этого.

Онъ смѣялся тихимъ безумнымъ смѣхомъ.

Очутились въ какомъ-то обществѣ. Вдругъ. Должно быть, онъ потерялъ память о продолжительномъ промежуткѣ времени. Не могъ понять, какъ очутился здѣсь.

Отрезвѣлъ.

Говорилъ очень разсудительно съ какимъ-то господиномъ въ бархатномъ жилетѣ съ бриллиантовыми запонками въ рубашкѣ. За ужиномъ сидѣлъ рядомъ съ молоденькой барышней, которая все время хохотала.

Молнія прорвалась сквозь его душу: глаза Агай.

Онъ читаль въ нихъ, какъ въ ясновидѣнїи. Видѣль тоску въ ея глазахъ и страданіе, грозящее страшнымъ взрывомъ: вся душа ея застыла въ одномъ долгомъ, скорбномъ взглядѣ.

Все вокругъ него расплылось черными кругами, — онъ слышалъ лязгъ ножей, смѣхъ, говоръ, шумъ, словно отодвигали стулья. — всталъ.

И снова пришелъ въ себя.

Видѣль, что всѣ собрались въ залѣ, хотѣль итти за всѣми, но что то тащило его назадъ. Оглянулся. Сзади темная комната. Вошелъ, точно его вела чья то рука. Сѣлъ, неясно отдавая себѣ отчетъ въ томъ, что съ нимъ происходитъ.

Необъятный страхъ проникъ въ его душу.

Это ея воля. Ея страшная, воплощенная воля. Желаніе, ставшее силой, страшною силой, налитой кровью, съ длинными руками вампира.

Долго сидѣль въ глухой, темной тишинѣ. Вдругъ вздрогнулъ: она сидѣла рядомъ съ нимъ.

— Агай?!

— Тише!

Схватила его за руку. Кипучимъ потокомъ разлилось это по его тѣлу. Дрожалъ, какъ въ судорогахъ, а въ мозгу — боль, какъ отъ короткихъ сильныхъ ударовъ молотка.

Руки ихъ сплелись. Что-то бросило ихъ другъ на друга. Тонули, исчезали въ этой глухой, нѣмой похоти. Съ закрытыми глазами бросились въ круговороты и омуты наслажденія.

Наконецъ, оторвались другъ отъ друга; но руки ихъ были сплетены, точно принадлежали не имъ.

— Я не могу дать тебѣ ничего больше, — шеп-

тала она тихо, такъ тихо, что ему казалось, будто это въ немъ говорить что-то.

— Тѣло твое, тѣло.. — молилъ онъ.

— Я была уже твоей.

— Когда?.. когда?..

— Сегодня ночью.

Исчезла вдругъ, словно ее земля поглотила.

Душа его обезсилѣла отъ ужаса.

Это была она? Она? Тѣломъ, устами, руками? Или это только сонъ? галлюцинація?

— Вы нездоровы? — спросилъ его господинъ въ бархатномъ жилетѣ, когда онъ остановился въ дверяхъ залы.

Онъ не обратилъ на вопросъ вниманія. Глаза его искали съ пугливымъ безпокойствомъ. Наконецъ, увидѣлъ. Она сидѣла спокойно, съ холоднымъ лицомъ сфинкса и смотрѣла на него пытливыми глазами.

Подошель къ ней.

— Ты была у меня тамъ? Въ той темной комнатѣ? — спросилъ онъ дрожащимъ шепотомъ.

— Ты не увѣренъ? — улыбнулась она.

— Я боюсь тебя. Ты — сатана, ты!.. — дрожалъ всѣмъ тѣломъ.

— Отчего ты боишься меня? — Она отвернулась отъ него и начала равнодушный и спокойный разговоръ съ какимъ-то господиномъ.

Что-то корчилось въ немъ отъ боли. Такъ это она, та, которая минуту назадъ вдавливала въ себя его тѣло съ дикой, безбрежной страстью!

— Я завтра уѣду домой! — шепнулъ онъ ей съ бѣшенствомъ.

— Пора, давно пора. Еще два дня — и ты сойдешь съ ума.

— Ты подла! — Онъ едва подавилъ въ себѣ крикъ.

Снова отвернулась и продолжала спокойный и равнодушный разговоръ съ постороннимъ господиномъ.

Вдругъ успокоился. Словно все распалось въ немъ. Вышелъ изъ залы тихо и незамѣтно.

— Не поѣдешь! — она дрожала отъ страха, а глаза вгрызались въ него. — Не поѣдешь. Я тебѣ душу изъ тѣла вырву, если поѣдешь.

Ему казалось, что ея зубы стучать, а руки прыгаютъ, какъ въ лихорадкѣ.

Взглянулъ на нее съ холоднымъ, презрительнымъ удивленіемъ.

— Между нами все кончено, — сказалъ онъ равнодушно и медленно.

— Не поѣдешь! — задыхалась она.

— Поѣду. Я долженъ спасти тебя въ моемъ сердцѣ.

— Эта женщина, — презрительно указалъ на нее пальцемъ, — омрачаетъ чистый и святой образъ, — я долженъ бѣжать отъ тебя, чтобы ты его не осквернила...

Улыбнулся, какъ сквозь сонъ.

Она рвала пальцами его руки.

— Будешь завтра въ полдень тамъ, гдѣ мы были сегодня.

А если не придешь, то... то...

— То?... то?..

Они долго смотрѣли другъ другу въ глаза.
Разстались безъ словъ,

Онъ долго ждалъ — и напрасно.

Временами улыбался блуждающей улыбкой. Эта тихая, странная улыбка окаменѣла на его губахъ.

Какія-то мучительныя мысли кружились у него въ головѣ, точно раскаленные опилки металла.

Онъ подождетъ еще пять минутъ, — только пять минутъ.

Тихое торжество помѣшаннаго запылало въ его душѣ.

— Охъ, если бъ только она не пришла, я бы навсегда отъ нея избавился!

Никогда не чувствовалъ такой увѣренности.

Вздригнулъ. Какой-то господинъ, съ которымъ онъ гдѣ-то познакомился.

Закрывъ лицо газетой.

Но господинъ уже узналъ его. Подошелъ и сѣлъ рядомъ.

— Ваша сестра скоро придетъ. Я встрѣтилъ ее, она сказала, что придетъ сюда.

— Она вамъ сказала это?

— Да.

Стиснулъ зубы отъ бѣшенства. Схватилъ газету, сталъ читать, но не понялъ ни слова. Глухое безсиліе страшной тяжестью упало на сердце,

Такъ они просидѣли цѣлый часъ.

Наконецъ, онъ всталъ.

— Подождите здѣсь мою сестру, мнѣ надо итти.

— Вамъ надо итти уже?

Шатаясь, вышелъ на улицу.

Шелъ шагъ за шагомъ. Сходилъ съ ума отъ бѣшенства на нее. Къ глазамъ подступили слезы, силы его покидали, горло сжималось, точно онъ глоталъ дымъ.

Каждый шагъ отдавался болью въ его мозгу: если бы онъ шелъ скорѣе, лопнули бы всѣ жилы. Сознаніе покидало его.

Повторялъ все одиѣ и тѣ же бессмысленныя фразы, улыбался тихо и потиралъ руки.

И снова въ немъ разлилась тихая торжественность. — Итакъ, ему не надо больше видѣть ея. Онъ освободился наконецъ отъ своего вампира.

Вдругъ остановился: вдали черное шелковое платье...

Нѣтъ, это не Агай.

Безпокойство пѣнилось въ немъ. Безпокойство и гнетущая тоска.

Дѣлать нечего — надо итти домой, домой. Лечь въ постель.

Вѣдь онъ не на шутку боленъ.

Солнце кололо глаза. Точно длинныя раскаленныя булавки, воззались въ его нервы солнечныя лучи.

Потемнѣло въ глазахъ. Сѣлъ на скамью.

Какая гадость упасть въ обморокъ на улицѣ. — молніей скользнуло у него въ головѣ. Онъ ясно видѣлъ уже толпу, носилки, — нѣтъ, нѣтъ!...

Всталъ, старался различать людей, что проходили мимо него, сбившись въ черную волну.

И вдругъ увидѣлъ ее. Вспомнилъ, что видѣлъ, какъ она нѣсколько разъ проходила мимо скамейки, на которой онъ сидѣлъ, и смотрѣла на него.

Она шла спокойно, улыбаясь, кланяясь знакомымъ; на рукахъ у нея были длинныя, красныя перчатки.

— Агай! — крикнулъ онъ.

— Ну? Что ты здѣсь дѣлаешь?

Схватилъ ее подъ руку, стиснулъ зубы и повелъ въ пустое кафе за городомъ.

Въ немъ была сила.

— Если ты еще разъ прилѣшь ко мнѣ посторонняго человѣка, то, то...

Разсмѣялась.

— Ну, что же тогда?

Онъ вдругъ успокоился. Сила его таяла, какъ свѣжій снѣгъ на солнцѣ. Улыбнулся.

Вдругъ блеснуло какое-то воспоминаніе и залило его душу.

— Ты сказала мнѣ вчера, ждуть тебя въ полдень?

— Нѣтъ!

— Агай! Не лги, ради Бога, не лги теперь. Я такъ боюсь себя самого. Скажи, скажи! ты велѣла ждать?

Молчала.

— Скажи, скажи; я не увѣренъ. Все сливается и таетъ въ моей душѣ. Не понимаю, какъ я могъ такъ долго ждать тебя, но мнѣ казалось, что ты велѣла.

Она вздрогнула.

— Велѣла!

Онъ тяжело дышалъ.

— Зачѣмъ же ты велѣла мнѣ притти, разъ я ала, что не придешь сама?

— Я не хочу больше быть съ тобой наединѣ,
— никогда! — отвѣтила она холодно.

— Никогда?

— Никогда!

Онъ задумался, потомъ всталъ.

— Ну, такъ прощай, Агай. Я не могу быть съ тобой въ присутствіи людей. Чувствую къ нимъ страшное отвращеніе. Не могу видѣть никого, кромѣ тебя. Нѣтъ, золотая Агай, требуй отъ меня всего, чего хочешь, но этого сдѣлать я не могу. Нѣтъ, нѣтъ...

Она схватила его за руку. Долго смотрѣли другъ на друга.

Сѣлъ снова.

Она была печальной и серьезной.

— Ты не можешь быть благоразумнымъ хоть одну минуту? Ты не понимаешь, что тутъ нѣтъ никакого выхода, не понимаешь?

— Отчего нѣтъ выхода?

— Вѣдь я твоя сестра.

— Лжешь. Объ этомъ ты ни минуты не думала. Ты любишь муку, любишь страданіе, не можешь насытиться и моей, и своей мукой.

Они долго молчали.

— Слушай, Агай, — вѣдь правда... ты очень любишь мою жену?

— Люблю.

— А если бы ея не было?

— Можетъ быть..

— Можетъ быть?

Ничего не отвѣтила.

И снова долгое молчаніе.

— Я навсегда останусь съ тобой, — говорилъ онъ съ мольбой и тихой лаской. — Съ тобой, Агай...

— Нѣтъ, нѣтъ! я хочу быть съ тобой, но не наединѣ, не наединѣ. Прошу, молю тебя объ этомъ.

— Ты боишься меня?

— Себя самой. Сдѣлай это для меня. Вѣдь ты любишь меня!

— Что мнѣ сдѣлать для тебя?

— Не проси меня быть съ тобой вдвоемъ, — а потомъ... — она опустила голову, — не дотрагивайся до меня! Мнѣ страшно противно твое прикосновеніе.

— Тебѣ противно мое прикосновеніе?

— Да!

По его тѣлу пробѣжали раскаленные капли металлическаго сплава. Его раненая душа скорчилась. Онъ почувствовалъ стыдъ и отвращеніе къ себѣ самому. Онъ коснулся женщины, которая не чувствовала къ нему ничего, кромѣ отвращенія.

Какая-то холодная, морозная ясность разлилась въ его головѣ: и, какъ полыханье зарницъ въ душныя ночи, почувствовалъ онъ тихое торжество души, истекающей кровью, но освобожденной.

— Я очень благодаренъ тебѣ, что ты, наконецъ, искренна.

Ты права. Я никогда больше не буду говорить съ тобой объ этомъ и никогда не коснусь тебя...

Лицо ея было закрыто шляпой. Голова низко опущена, — руки въ красныхъ длинныхъ перчаткахъ тревожно блуждали по столу.

— Можетъ быть, отыскать того шута, котораго ты прислала развлечь меня?

— Нѣтъ!

— Такъ можетъ быть, пойдёмъ туда, гдѣ много людей?

— Нѣтъ.

Долгое молчаніе. Онъ былъ совершенно спокоенъ.

Ему казалось, что какая-то невидимая сила сняла порчу съ его души

— Взгляни же на меня! — произнесъ онъ, наконецъ, тихо и ласково. — Ты достигла, наконецъ, того, чего хотѣла. Ты меня знаешь, ты знаешь, какъ стыдлива моя душа. Теперь меня ничто не раздражаетъ, пусть даже на насъ смотритъ тысячная толпа. Я даже не чувствую потребности, не хочу быть съ тобой вдвоемъ. Впрочемъ, я съ удовольствіемъ сорвалъ бы съ тебя эту адскую шляпу. Ею такъ удобно заслонять лицо... Хе, хе, хе... Ну. Агай, золотая, дорогая сестра, скажи же что-нибудь своему брату — ха, ха, ха!..

Она вдругъ взянула на него.

Ему казалось, что онъ видитъ слезы въ ея глазахъ.

— Агай, — шепнулъ онъ тихо.

Слезы плыли по ея щекамъ.

— Плачешь? — спросилъ онъ холодно и небрежно.

— Нѣтъ, — она стиснула зубы.

— Вѣдь плачешь, вижу, что плачешь. Вотъ я сижу и ломаю себѣ голову, отчего ты плачешь? Не вѣркь въ твои слезы. Твоя душа лжива, и слезы твой лгутъ. Ты ищешь новыхъ мученій, — тебѣ мало нашей муки и боли, а можетъ быть, — ха,

ха, ха... — можетъ быть, ты умѣешь плакать, когда захочешь? Можетъ быть, ты хочешь смягчить меня, растрогать своими слезами?

Она снова взянула на него. Долгій, скорбный взглядъ, въ которомъ душа дивилась нечеловѣческимъ страданьямъ. Но только одну минуту. Вдругъ изъ ея глазъ хлынула дикая ненависть, точно потокъ сверлящаго, колючаго свѣта. Казалось, что прошла цѣлая вѣчность. Вдругъ свѣтъ разлетѣлся брызгами, — лицо ея застыло, она уставилась впередъ безумными, неподвижными глазамн, и снова хлынула ненависть.

Она изогнулась, какъ тигрица.

— Ну, слава Богу, лихорадка прошла. — Она язвительно смѣялась. — Теперь ты можешь вернуться къ женѣ и рассказать ей тѣ любопытныя вещи, которыя ты пережилъ со своей сестрой.

— Что жъ, поѣду и расскажу.

— У тебя часто бываетъ такая лихорадка? — язвила она. — То-есть, часто ли ты измѣняешь женѣ, прикрываясь этой дурацкой лихорадкой?

— Очень часто. Здѣсь, на примѣръ, у меня есть дѣвушка, почти ребенокъ, — я провожу у нея ночи.

Вскрикнула.

Онъ смотрѣлъ на нее полными ненависти, язвящими глазами!

— Больно? — спросилъ онъ злобно.

— Лжешь! — она подавила крикъ.

— Чего же мнѣ лгать?

— Хорошо, хорошо, — такъ зачѣмъ же ты вымаливаешь у меня любовь?

— Никогда я не вымаливалъ. Ничего я объ этомъ не знаю...

А впрочемъ, прости мнѣ, я былъ боленъ; не знаю, что было со мной. Чувствую, что былъ безконечно смѣшонъ.

Ты не должна стыдить меня такъ, до боли. Ха, ха, ха... какъ торжествуетъ теперь твоя душа, что нанесла мнѣ такой ударъ.

Руки ея дрожали въ нервномъ безпокойствѣ. Онъ сталъ необычайно любезенъ.

— У тебя удивительно интересныя перчатки. Это напоминаетъ стиль Ропса. Вся ты — словно тебя рисовалъ Ропсъ. И въ тебѣ есть вся эта безстыдная, вызывающая невинность.. ха, ха, ха... ты умѣешь одѣваться. Мнѣ очень нравится твое шелковое платье. Это сообщаетъ конечностямъ пальцевъ необыкновенно сладострастное чувство: шелкъ расплывается по моей крови сладкимъ наслажденіемъ.. Что же это? Ты, кажется, не слышишь, что я говорю... Правда, я не могу уже сказать тебѣ ничего, что могло бы тебя занять. Я уже все сказалъ тебѣ... То, что отзывалось кровосмѣшеніемъ, сатанизмомъ, хе, хе, — уже прошло. Мы, можетъ быть, поговоримъ теперь о злобахъ дня, о погодѣ, заработкѣ.

Она взглянула на него быстро и пытливо. Злобная усмѣшка блеснула въ ея глазахъ.

— Такъ тебу опять лихорадитъ? Теперь только я вижу, что ты, дѣйствительно, боленъ. Глаза у тебя ввалились. Они горять, какъ погребальныя свѣчи. На щекахъ болѣзненный румянецъ. Твой мозгъ боленъ. Ты не можешь отличить яви отъ сна. Видишь, какъ трава растетъ, а иногда не въ

состояніи понять самой простой фразы. Развѣ не такъ?

Онъ вздрогнулъ и вдругъ злобно разсмѣялся.

— Охъ, понимаю тебя, понимаю. Теперь, конечно, меня лихорадитъ, теперь, когда я начинаю разумно говорить. Теперь, когда я не разжигаю твоей фантазіи, алчущей все новыхъ, все новыхъ мученій. — Ты тоскуешь по сумасшедшимъ словамъ моей любви.

— Да.

Это была одна длинная, протяжная фраза, полная невыразимыхъ желаній.

— Тоскуешь? Тоскуешь? Послѣ всего, что сказала мнѣ!

Ты говоришь это съ такимъ безстыдствомъ, уже растоптавъ мою душу. Не сказала ли ты минуту назадъ, что чувствуешь отвращеніе, когда я прикасаюсь къ тебѣ? Нѣтъ, нѣтъ; теперь уже поздно; душа моя стыдлива и полна страха, — теперь уже поздно...

Велѣлъ принести бутылку вина.

— Хочешь пить со мной, Агай?

— Налей, налей полные стаканы.

Онъ сѣлся быть спокойнѣе.

Молила глазами о любви.

Пилъ торопливо.. Поддержъ голову руками. Забылъ о ней. Только боль, боль, словно кто-то прижегъ ему мозгъ докрасна-раскаленнымъ желѣзомъ.

И снова почувствовалъ, какъ она манитъ его къ себѣ.

Она подвигалась къ нему медленно. Все ближе ближе — и вдругъ горячо прильнула къ нему всѣмъ тѣломъ.

И снова онъ почувствовалъ короткія, сильныя потрясенія, словно отъ ударовъ молотка.

Они сидѣли, какъ пораженные молніей. Она — перегнувшись черезъ столъ, тяжело и горячо дыша.

— Я лгала тебѣ! — шепнула она. — Выпила одинъ стаканъ, наполнила другой и тоже выпила.

Пей же со мной! — Голосъ ея понизился и дрожалъ.

Забылъ обо всемъ. Чувствовалъ только, какъ проникала въ него теплота ея тѣла, какъ члены ея оплетали его тѣло, какъ она лѣнула къ нему, вдавливалась въ него съ нѣжной лаской, вся въ огнѣ, теряя сознаніе, вздрагивая отъ нечеловѣческаго наслажденія. Въ мозгу у него все перепуталось. Онъ говорилъ тихимъ шепотомъ. Дрожалъ и трясся. Руки прысали.

Но глаза ея открылись, она взглянула на него. Вся души тонула въ страхѣ и отчаяннѣ.

Замолчалъ. Грѣшили въ себя.

Разговоръ оборвался. Слова застрывали въ гортлѣ. Время отъ времени они перекидывались незначительными фразами и опять долго молчали; потомъ это опять ихъ охватило.

Не знали, кто началъ.

— А помнишь, Агай, какъ мы разъ купались? Я помагалъ тебѣ раздѣваться. Ты не позгояла, защищалась и такъ страшно покраснѣла. Хе, хе!.. Мы, собственно, не были уже дѣтьми. И вдругъ почувствовалъ къ тебѣ безконечную любовь... помнишь? Мы бросились на песокъ и прижались другъ къ другу такъ сильно, что закричали отъ боли. А потомъ я взялъ тебя на руки и понесъ въ воду.

Ты была такъ прелестна и шаловлива, какою умѣть быть женщина, когда чувствуетъ, что она любима. Я долженъ былъ учить тебя плавать, но ты все тонула... Боже, теперь я опять нахожу въ тебѣ мою прежнюю прелестную Агай, ту... двѣнадцать лѣтъ назадъ. Ты снова смотришь на меня такъ нѣжно, такъ невыразимо сладко, какъ тогда. Ты уже не язвишь, въ тебѣ нѣтъ злобы, и я снова твой рабъ, твой песъ. Ты можешь дѣлать со мной все, что хочешь, — вырвать мою душу изъ тѣла, и я буду тебѣ еще благодаренъ, такъ какъ это сдѣлала ты... ты...

— Не мучь меня, перестань же, перестань...

Она смотрѣла на него съ мольбой.

Прислонился къ стѣнѣ. Въ головѣ у него горѣло.

— Это страшно, страшно, страшно, — шептала она съ испугомъ.

Наступилъ вечеръ. Стемнѣло.

Они сидѣли, прижавшись другъ къ другу.

— Темно ужъ! — сказала она.

— Да, уже темно.

— Смотри, какъ кровавится мѣсяцъ за вѣтвями деревьевъ.

— Тихо, тихо!

Они сидѣли долго, не говоря ни слова...

И только все сильнѣе льнули другъ къ другу, прижимались все больше, и въ ихъ молчаніи, въ ихъ объятіяхъ было страданіе.

Вдругъ она вскочила.

— Я пойду домой, — сказала она твердо.

Онъ смотрѣлъ на нее, какъ помѣшанный.

— Если ты уйдешь отъ меня теперь — теперь, то... не увидишь меня больше.

Больной страхъ дрожалъ въ его голосѣ.

— Агай, если ты хоть немного меня любишь, то останься; я сойду съ ума.

— Мы забыли о твоей женѣ.— Она хрипло разсмѣялась.

— Ты упрекаешь меня, что у меня есть жена? Если хочешь, я никогда не увижусе больше. Забуду о ней, если велишь.

— Какъ ты боленъ, какъ ты боленъ! — говорила она съ кипучей язвительностью.

— Я не боленъ. Я люблю тебя. Я... я... Агай, останься со мной. Ты будешь горько жалѣть, если уйдешь теперя! — Онъ молилъ, какъ ребенокъ.

— Ну, теперя ты начинаешь сентиментальничать. Стыдись!

Все въ немъ уплыло сразу въ темныя глубины. Словно весь потокъ любви и жара превратился въ ледъ.

Смотрѣлъ на нее долго, потомъ сѣлъ.

Изрѣдка она взглядывала на него украдкой, — сосущими, любопытными глазами.

Они молчали очень долго.

— Такъ, можетъ быть, проводить тебя? Или ты, быть можетъ, хочешь итти одна? — спросилъ онъ небрежно.

— Пойду одна. И ты иди. Ты, кажется, дѣйствительно боленъ.

— Тебѣ нечего вмѣшиваться въ то, что мнѣ надо сдѣлать.

Онъ разсмѣялся съ ненавистью.

Долго смотрѣла на него.

— Боже, какъ вы всѣ глупы, — вы, мужчины.

Какъ вы отвратительны.

— То же говорятъ о мужчинахъ проститутки.

— Ты грубъ.

— А ты — еще больше.

— Я ненавижу тебя, не хочу больше видѣть тебя.

— И я тоже.

Но когда она вскочила, намѣреваясь итти, онъ схватилъ ее за руку.

— Прости меня, я боленъ.

Ну, такъ поѣзжай скорѣй къ своей женѣ. При ней ты выздоровѣешь. Поѣзжай, поѣзжай скорѣй.

— Ты, должно быть, хочешь, чтобы я развелся сначала со своей женой? А? Можетъ, тогда у тебя хватить смѣлости? — ха, ха, ха...

Она дѣлала видъ, что не слышитъ его.

— Ты бы хорошо сдѣлалъ, если бы, наконецъ, навѣстилъ мать. Завтра до полудня она будетъ дома.

— Премного благодаренъ, не приду.

Она пошла къ дверямъ.

— Идешь? Ты, въ самомъ дѣлѣ, идешь? — Агай!

Остановилась. Глаза горѣли дикой ненавистью.

— Такъ это правда, что у тебя здѣсь, въ городѣ, дѣвушка, полуробеночъ, какъ ты говорилъ?

— Ну, видишь ли, долженъ же я былъ найти мою прежнюю Агай!

— Охъ, какъ я тебя ненавижу!

— Не выдавай себя постоянно.

Открыла двери.

— Агай, Агай, подожди-ка! Я скажу тебѣ что-то интереснее

Улыбнулся злобно, подошелъ къ ней и шепнулъ на ухо:

— А знаешь, ты сегодня ночью была со мной такою же горячей, такою же страстной, какъ тогда въ бурю

Она оттолкнула его съ силой и вышла.

Въ немъ утихло.

Итакъ, конечно. Теперь онъ пойдетъ домой, а завтра утромъ уѣдетъ къ женѣ. Агай ничего объ этомъ не будетъ знать.

Вышелъ на улицу.

День кончался. Потемнѣло. Въ сумракѣ загорѣлись бѣлые, яркіе глаза электрическихъ фонарей.

На улицѣ была толкотня и давка.

— Ага! вѣрно, идутъ въ театръ.

Улыбнулся.

Шелъ паркомъ, не было живой души. Страшная, мрачная, зловѣщая тишина и одиночество.

Шелъ очень медленно. Въ немъ не было ни одного нерва, который бы не болѣлъ.

Вдругъ вздрогнулъ. Увидѣлъ передъ собой какую-то черную фигуру, — она приближалась, плыла прямо къ нему.

Остановился, какъ вкопанный.

Остановилась и черная фигура.

Онъ смотрѣлъ, обезумѣвъ отъ ужаса.

А изъ сумрака выдѣлилось лицо, искаженное страхомъ, искривленное болью, съ широко-открытыми, налигыми кровью глазами.

Это былъ онъ самъ.

Обезумѣвъ, онъ бросился впередъ, не сознавая, что дѣлаетъ.

И снова остановился, безумный и страшный, и съ тупымъ отчаяніемъ смотрѣлъ въ кровавые, мерт-

вые глаза вампира. Видѣлъ, какъ призракъ шель все ближе, ближе, еще ближе; лицо вампира касалось его; смертельная дрожь пробѣжала по его тѣлу; вскрикнулъ, закрылъ глаза и бросился впередъ. Онъ не касался ногами земли, чувствовалъ только сопротивленіе воздуха, чувствовалъ какъ пробивается, прорывается сквозь него; пересталъ ощущать самого себя; ему казалось, что онъ — носъ лодки, которая прорѣзываетъ волны затѣлаго ила поросшихъ травкою болотъ; въ головѣ шумѣло, гудѣло, гремѣло, точно удары молота. Потомъ онъ потерялъ сознание. Только какое то эхо, эхо далекихъ колоколовъ, гулъ твердой земли подъ желѣзными подковами лошадей. — Потомъ онъ пересталъ быть тѣломъ; ему казалось, что онъ — одно огромное сердце, что ударяется о землю и отскакиваетъ отъ нея, потомъ осталось только впечатлѣніе чего-то бездонно черного, безъ боли и воспоминаній. Когда онъ пришелъ въ себя, оглянулся съ удивленіемъ.

Онъ былъ въ своей комнатѣ. Да! Несомнѣнно...

Узнавалъ мельчайшіе предметы.

Въ головѣ какая-то широкая ясность.

Глубоко задумался.

Это была не галлюцинація. Онъ видѣлъ самого себя, какъ нельзя отчетливо.

Вспомнилъ вдругъ свой собственный портретъ, который произвелъ на него такое страшное впечатлѣніе, и подъ вліяніемъ лихорадки оно выплыло наружу. Да, несомнѣнно: его портретъ, врѣзавшійся въ душу, проявился во внѣ и воплотился.

И въ радостномъ восторгѣ хотѣлъ онъ броситься на колѣни и благодарить Бога за спасеніе.

Долго ходилъ по комватѣ.

Вдругъ крикнулъ:

— Боже всемогущій, что же это такое?

На столѣ лежалъ клочекъ бумаги, а на немъ — неувѣреннымъ почеркомъ — телеграмма къ его жёнѣ. „Пріѣзжай немедленно. Со мной творится что-то страшное“.

Это былъ его собственный почеркъ.

Его охватилъ животный, необъятный, кричащій страхъ. Онъ твердо помнилъ, что не бралъ въ руки пера.

Смотрѣлъ, читалъ, глаза его расширялись, онъ почувствовалъ страшную боль, и вдругъ буквы задвигались, стали отрываться отъ бумаги, ожили, заплясали, зароились у него въ глазахъ, подскакивая, подпрыгивая, описывая волнистые круги; — все вокругъ него стало оживать, двигаться. Бросился всѣмъ тѣломъ на землю и закрылъ руками лицо.

Ждалъ, тяжело дыша; дыханіе спиралось. Чувствовалъ, какъ все вокругъ него сжимается, суживается; казалось, стѣны надвигаются, всѣ предметы валятся на него, окружаютъ, заграждаютъ ему дорогу. Онъ весь съежился, и вдругъ, точно его подбросила чуждая сила, выпрямился: опять увидѣлъ самого себя съ искривленными, дрожащими губами и глазами вампира. Чувствовалъ, какъ волосы дыбомъ встаютъ на головѣ, слышалъ стукъ собственныхъ зубовъ, а въ головѣ — боль, точно тамъ лопалась одна жила за другой.

Бросился къ дверямъ, сбѣжалъ внизъ, точно его несла какая-то чуждая сила: холодный воздухъ повѣялъ на него; онъ отрезвѣлъ.

— Что теперь? Что теперь? — повторялъ онъ
 Поплелся въ паркъ, сѣлъ на скамью, сидѣлъ
 долго безъ мыслей въ какомъ-то страшномъ спокой-
 ствіи смерти, и вдругъ увидѣлъ на небѣ красное
 зарево.

Какое-то воспоминаніе пробивалось съ трудомъ
 сквозь темную ночь его души.

Вздохнулъ съ облегченіемъ: вѣдь это былъ го-
 родъ, а пожаръ на небѣ — зарево электрическаго
 свѣта.

Вскочилъ со скамьи.

Онъ забылъ о ней, своемъ ребенкѣ, о своей
 Агай, — какой была она двѣнадцать лѣтъ назадъ..
 Какъ онъ могъ забыть ее, святое солнце свое, что
 животворящей силой разсвѣивало ночь его безумія?

Отчаянная энергія переполнила его душу. Боль-
 шими торжественными шагами прошелъ онъ черезъ
 паркъ. Но когда подходилъ къ памятнику, его ох-
 ватило страшное безпокойство. А если ея тамъ не
 будетъ?. Онъ крался, какъ воръ. Чувствовалъ, что
 не переживетъ этой ночи, если ея тамъ не будетъ.

И все большій страхъ охватывалъ его. Онъ поч-
 ти ползъ уже на колѣняхъ; боялся подойти къ па-
 мятнику; видѣлъ, какъ онъ торчалъ въ глухой ти-
 ши, холодный, грозный и страшный, какъ его соб-
 ственный рокъ. Видѣлъ, какъ онъ расплывается въ
 мгlistые круги тумановъ, что встаютъ надъ черными
 болотами; круги стали вращаться все быстрѣе и
 быстрѣе, земля завертѣлась у него подъ ногами,
 онъ шатался, дрожалъ... Вдругъ пара глубокихъ
 глазъ всвѣтилась въ кружащуюся мглу.

Невыразимая радость проникла до дна его души.

Схватилъ ея руки, сжималъ ихъ въ своихъ, цѣловалъ, ласкалъ, проводилъ руками по ея плечамъ, грудямъ и смѣялся тихо, безумно, какъ больное дитя.

Забывъ о вампиряхъ, о страшномъ кошмарѣ, забылъ, что стоитъ на дорогѣ безумія: все держалъ ея руки и сжималъ въ своихъ.

— Всю ночь я ждала тебя вчера, — тихо прошептала она.

Дрожалъ, не могъ идти, радость обезсилѣла его.

— Ты меня спасла. Если бы я тебя не встрѣтилъ, я бы долженъ былъ умереть сегодня, но ты меня спасла. Ты возродила меня. — Онъ глубоко задумался. Она что-то говорила тихимъ, дрожащимъ шопотомъ.

— Вампиръ! — Услышалъ онъ вдругъ.

Остановился въ удивленіи.

— А знаешь ты, что только другъ черезъ друга мы можемъ возродиться? — говорила она таинственно.

— И ты, ты тоже? — простоналъ онъ.

Не отвѣтила.

— Ты здѣсь, со мною? Здѣсь? Здѣсь? — спросилъ онъ въ ужасѣ.

Провелъ рукой по всему ея тѣлу.

— Ты со мною? — спросилъ онъ снова.

Онъ дрожалъ и едва говорилъ.

— Я съ тобой, не бойся. Теперь я беру тебя за руку. Чувствуешь мою руку? Охъ, какъ горитъ твоя рука!

Успокоился.

— Ты здѣсь, Агай? — спросилъ онъ черезъ минуту.

— Это твой вампиръ?

Кивнулъ головой.

— Ты не Агай? — спросилъ онъ послѣ долгаго молчанія.

— Нѣтъ.

Они вошли, наконецъ, въ ворота какого-то дома. Теперь ему казалось, что онъ идетъ по какимъ-то длиннымъ галлереймъ и коридорамъ, сквозь рядъ пустыхъ таинственныхъ комнатъ. Слышалъ тихое эхо своихъ шаговъ, словно глухіе ритмическіе удары сердца.

— Я не боюсь! — сказалъ онъ вдругъ.

Прошла длинная минута.

— Здѣсь! — сказала она, наконецъ.

Вздохнулъ всей грудью.

— Ахъ, какая страшная усталость! — Онъ не могъ отличить, чей это голосъ, ея — или его.

— Чувствуешь меня? Я съ тобой! — она сильно сжимала его руку.

Никогда еще онъ не слышалъ такого темнаго голоса. Это было темное бархатное тѣло, какое было только у Агай.

Онъ почувствовалъ гдѣ то страшную боль.

— Говори, говори со мной! — онъ сильно сжималъ ея руки.

— Ахъ, какъ ты боленъ, какъ боленъ — тихо повторила она и прижалась лицомъ къ его щекѣ.

И они сидѣли долго у изголовья кровати,

Въ немъ все утихло; какое-то непонятное блаженство разлилось по его жиламъ.

— Какъ ты добра! Какъ безконечно добра! — шепталъ онъ и цѣловалъ ея губы.

— Теперь лягъ! Я буду спать рядомъ съ тобою. Видишь, ты уже успокоился. Лихорадка прошла.

Она раздѣлась и легла рядомъ.

— Я окутаю тебя моими волосами, — шептала она и распустила волосы. — Мои волосы такіе длинные, я могу укутать ими все тѣло.

— Твои волосы черные? — спросилъ онъ черезъ минуту.

— Нѣтъ!

Они долго молчали.

— Я поцѣлую тебя сюда, въ грудь, — говорила она. — Твое тѣло горитъ, а губы мои холодны.

— Еще, еще. .

Она долго цѣловала его, потомъ обняла его руками, положила голову къ нему на грудь, потокъ ея волосъ разлился по всему его тѣлу.

— Ты никогда уже не уйдешь отъ меня, — не оставишь меня одну? — спросила она съ дрожащимъ страхомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, никогда! — о, какъ мнѣ хорошо съ тобой!

Должно быть, былъ уже полдень. А онъ не видѣлъ ея цѣлый день. Наконецъ, онъ выкинулъ ее изъ сердца.

И избавился отъ своего вампира — навсегда.

Улыбнулся. Улыбался все время, тихо и таинственно.

Кто-то позвонилъ.

Онъ рванулъ и задрожалъ.

— Это она! Она! — чувствовалъ ее вокругъ... теперь онъ бы почувствовалъ ее на расстояніи мили.

Пряжался къ стѣнѣ. — Не открою! Не открою!

Снова продолжительный звонокъ.

Агай вошла. Служинка ей открыла. А онъ могъ помѣшать этому.

Вгрызлась злыми, ненавистными глазами въ мозгъ его костей.

Сѣла противъ него и долго не говорила ни слова.

Вдругъ вскинула голову и начала злымъ язвительнымъ голосомъ:

— А куда ты спрятался вчера отъ меня? Словно сквозь землю провалился.

— Совсѣмъ я отъ тебя не прятался, — отвѣтилъ онъ спокойно. — Мнѣ нечего было прятаться. Впрочемъ, я не хотѣлъ видѣть тебя.

Вздрогнувъ. Изъ ада ея бездонныхъ глазъ хлынулъ жаръ большой ненависти.

— У нея былъ! — Отчего ты трусишь сказать мнѣ это? — Она стиснула зубы. — Всю ночь былъ у нея и весь вчерашній день!

Сдавленный гнѣвъ и ненависть дрожали въ ея голосѣ.

— Да, я, дѣйствительно, былъ у нея, у моей Агай, — знаешь, что я хочу сказать? У моей Агай, у той, двѣнадцать лѣтъ назадъ... Ха, ха., — смѣялся онъ злобно. — Но какое тебѣ до этого дѣло? Или, можетъ быть, хе-хе-хе.. ты ревнуешь?

— Я не позволяю тебѣ, я запрещаю тебѣ касаться другой женщины (Понимаешь? Не хочу, не хочу, не хочу, не хочу!

Она кричала короткимъ, отрывистымъ, сдавленнымъ крикомъ.

Онъ сталъ серьезенъ, голова упала на грудь; подперъ ее руками.

— Моя душа, какъ испуганная птица: она очень стыдлива. Ты спугнула мою душу. Ты была груба. Когда-то меня охватилъ бездонный ужасъ; я бѣжалъ, какъ безумный, и вдругъ почувствовалъ, что я — одно огромное, бьющееся сердце. Это символъ всего моего существа. Весь я — одно отчаянное сердце. И сердце это полно глубокаго стыда. А стыдъ мой, какъ раковина улитки, въ которую прячется сердце отъ малѣйшаго прикосновенія. Стыдъ леденить, пугаетъ и даетъ отвращеніе къ людямъ. Теперь у меня нѣтъ сердца, я не чувствую его, оно спряталось, спряталось съ болью въ этой раковинѣ: спряталось, въ стыдѣ. Ты не щадила моего стыда, стыда...

Взглянулъ на нее. Ему казалось, что видитъ въ ея глазахъ большія блестящія слезы.

Опустилъ локти на колѣни и, поддерживая голову руками, началъ тихо и очень грустно:

— Теперь, напримѣръ, мнѣ кажется, что я видѣлъ слезы въ твоихъ глазахъ, но даже мой стыдъ пугливъ. Я не вѣрю въ твои слезы.

Она вдругъ упала передъ нимъ на колѣни. Схватила его за руки, обняла его ноги, терлась головой о его колѣни, цѣловала ихъ съ какимъ-то больнымъ безуміемъ.

Она разожгла его душу этимъ жаромъ и страстью, этой молнией лаской, — желаніе медленно вползало въ его кровь, врывалось съ силой въ его нервы.

Онъ овладѣлъ собой и понемногу освободилъ свои руки изъ ея объятій.

Но она вдругъ бросилась на шею, закинула ему руки за шею, — онъ выпрямился, хотѣлъ оторвать ее отъ себя, но она въ судорожныхъ объятіяхъ повисла у него на груди, вгрызлась зубами въ губы, шею,

У него потемнѣло въ глазахъ. Онъ бросился безъ памяти въ этотъ адъ счастья и ужаса.

— Такъ ты.. ты меня любишь? — съ трудомъ выговорилъ онъ.

Повисла у его губъ. Сосала ихъ жадно, безумно, не могла насытиться.

И вдругъ оттолкнула его отъ себя съ силой.

— Ты холоденъ, холоденъ... Тебя нужно взять, взять, какъ женщину, безуміемъ, бѣшенствомъ.. — Голосъ ея охрипъ, понизился. — Ха, ха, ха... мы обмѣнялись ролями. Ты сталъ женщиной! Ха, ха, ха! Это интересно — почувствовать себя вдругъ женщиной...

Она терзала его грызущей язвительностью.

Онъ смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ, потому душа его оупѣла. Видѣлъ передъ собой только ея глаза, брызжущіе ненавистью и презрѣніемъ.

— А впрочемъ... — она заколебалась, — какое мнѣ до тебя дѣло? Иди, иди же къ своей дѣвушкѣ! — крикнула она и пошатнулась.

Вдругъ онъ увидѣлъ, что на ней сѣрое платье.

— Отчего ты не на ѣла того чернаго шелкового платья?

Она испугалась, Онъ, дѣйствительно, боленъ? Это одна только комедія?

— Это очень тебя раздражаетъ, отвѣтила она вдругъ съ наглымъ циничнымъ смѣхомъ. — Тебѣ надо избѣгать всякихъ чувственныхъ раздраженій... ха, ха, ха... Твои нервы слишкомъ слабы для того постоянного эротизма, въ которомъ ты вѣчно живешь.. Въ этомъ вся твоя болѣзнь.

Онъ ничего не отвѣтилъ.

Долгое молчаніе.

Вдругъ она подошла къ нему.

— Приходи ко мнѣ сегодня вечеромъ въ десять.
Мать уѣхала.

— Не приду.

— Придешь! — она улыбнулась.

— Клянусь тебѣ, что не приду! — крикнулъ онъ хрипло. — Клянусь! — Топаль ногами въ бѣшеномъ безсиліи.

— Придешь! — сказала она очень серьезно.

Ему казалось, что гнѣвъ разсадитъ ему мозгъ. Онъ почувствовалъ звѣрское желаніе размозжить ее, убить... Убить! — кричали въ немъ всѣ чувства; какъ кружащіяся пылающія головни, безумствовали мысли въ его мозгу: онъ подошелъ къ ней со сжатыми кулаками.

— Ты придешь сегодня ко мнѣ вечеромъ въ десять, — шепнула она ему на ухо и вышла изъ комнаты.

— Не приду! — заревѣлъ онъ, обезумѣвъ, и бросился на полъ. Душа обливалась кровью тысячи ранъ.

И вдругъ онъ увидѣлъ снова его, его — себя самого.

Кровь остановилась въ сердцѣ, смертельный потъ выступилъ на всемъ его тѣлѣ.

Закрывъ глаза и прижался къ стѣнѣ.

— Теперь я никогда отъ него не избавлюсь. Я долженъ привыкнуть.

Онъ долго шептала про себя, стараясь себя успокоить.

Вдругъ почувствовалъ страшное любопытство: какъ выглядить его лицо? Открылъ глаза — исчезло.

Но чувствовалъ его вокругъ себя. Онъ былъ, — былъ, Залонялъ всю комнату, — былъ одѣтъ въ него, дышалъ имъ, поглощалъ его въ себя.

Безконечное отчаяніе просачивалось грызущимъ ядомъ въ самыя нѣжныя поры его души.

Онъ смѣялся безумнымъ смѣхомъ.

— Ну, что же дѣлать? Я собственно не понимаю этого страха и этого отчаянія. Теперь я уже никогда не буду одинъ. У меня всегда будетъ общество, всегда кто-нибудь будетъ со мной. А развѣ можетъ быть лучшее общество, чѣмъ я самъ?

Вдругъ его мозгъ обезсилѣлъ. Онъ потерялъ сознание.

Когда онъ проснулся, въ комнатѣ было совсѣмъ темно.

Сорвался съ дикой поспѣшностью: уже половина десятаго.

Не раздумывалъ ни минуты. Быстро пошелъ къ Агай.

Передъ ея домою останоуился и улыбнулся.

Говорилъ самъ съ собой очень дружелюбно и добродушно, — и взошелъ наверхъ.

Въ дверяхъ стояла Агай, дрожа и шатаясь; казалось, что она не стоитъ на ногахъ.

Онъ видѣлъ все съ неестественной, болѣзненной отчетливостью. На лицѣ красный лихорадочный румянецъ; глаза впали, подъ ними — синіе круги. Дышала тревожно, съ трудомъ вбирая воздухъ. Стояла передъ нимъ въ черномъ шелковомъ баль-

номъ платьѣ, а голыя руки были въ длинныхъ красныхъ перчаткахъ, выше локтей.

— Это для тебя, для тебя, мой единственный, мой нѣжный.. Цѣлые часы я наряжалась для тебя. Любишь меня такую? — Скажи, скажи...

Онъ вдругъ пришелъ въ себя. Смотрѣлъ на нее съ жаднымъ изумленіемъ.

— Какая ты стройная и гибкая.. Какъ пантера, какъ блестящая черная пантера.. А каждое твое движеніе, каждый изгибъ тѣла.. — шепталъ онъ.

— Поцѣлуй меня сюда... сюда, — поцѣлуй меня въ плечо...

Смѣялась истерическимъ смѣхомъ.

— Это нашъ прощальный ужинъ. Уѣду сегодня! Да! Сегодня ночью, далеко въ море...

— Въ море? — повторилъ съ глухо. Его со-всѣмъ не удивило, что она хочетъ уѣхать въ море.

— Поди, поди! Сядь около меня. Я велѣла принести вина, о, много вина. Мы будемъ сегодня пить, какъ никогда еще не пили съ тобой!

Смѣясь, положила голову на его грудь, обняла его руками и шептала:

— Я пригласила и себя на свой прощальный ужинъ. Не вернусь уже больше.. Дай, дай мнѣ твои сладкія, стройныя руки мальчика.. твои дорогія, золотыя руки.. Охъ, какъ я ихъ люблю!.. Какъ я по нимъ тоскую.. Смотри, смотри, — я снова твоя Агай, та Агай, что шла за тобой шагъ за шагомъ, что терлась, какъ кошка, о твое голое тѣло.. О, я такъ чувствую тебя, такъ чувствую... Здѣсь.. здѣсь.. на всѣмъ тѣлѣ.. Ты такъ вжегся въ меня всѣмъ твоимъ тѣломъ, когда несъ меня

въ воду... Ты не знаешь, какъ горда моя душа... Я не смотрѣла ни на одного мужчину, кромѣ тебя. Я не знаю, какъ они выглядятъ. Столько ихъ прошло у меня передъ глазами, а я не знала даже, что это мужчины, — это псы, неодошевленные предметы, безполныя существа.. Только ты, ты вѣчно былъ у меня передъ глазами, — дыханіе твоего тѣла на моемъ тѣлѣ: каждое его трепетаніе, каждое біеніе твоего сердца, — все это вожглось въ мою душу, какъ тавро. И я тоскую! — если бы ты зналъ, какъ страшно тоскую... И смотри, вся моя непорочная душа принадлежитъ только тебѣ и всегда тебѣ принадлежала... Никогда, даже на тысячную долю секунды не вползала въ нее мысль о другомъ... Развѣ ты не гордишься тѣмъ, что завладѣлъ такой душой? Ты не гордишься тѣмъ, что я принадлежу тебѣ? Я выросла съ тобой и въ тебѣ, въ тепличномъ взноѣ твоего тѣла, твоей души, біеній, твоего сердца, и стала тѣмъ, что я теперь. Я дышала тобою.. я пропиталась тобою.. ты... ты.. Кровь моя.. Мужъ мой!. Мужъ мой.. — она ласкала слухъ этимъ словомъ. — Мужъ мой!.. — шепнуло тихое эхо въ ея душѣ.

Она легла къ нему на колѣни, прильнула къ нему, прижалась всѣмъ тѣломъ, смѣялась тихо самой себѣ, потомъ срывалась и пила его поцѣлуи, хотѣла высосать душу изъ него.

То снова вдругъ:

— Ну, пей, пей!. Ха, ха, ха.. Если бы мы сегодня совсѣмъ напились! — Она разсмѣялась шаловливо, какъ ребенокъ..

— Помнишь, какъ ты гостили у дяди?. Помнишь, какъ насъ заперли въ погребъ? Помнишь?

Это было страшно, но не намъ... ха, ха, ха.. Мы только этого и хотѣли..

Залпомъ выпили стаканы и снова горячо схватились за руки.

— Агай. Агай, единственная, нѣжная, золотая моя, — я тебя не узнаю.. Ты такая, какую была давно, двѣнадцать лѣтъ назадъ..

Она задумчиво смотрѣла въ пространство, потомъ тихо сказала:

— А ты меня любишь, любишь меня теперь? Чувствую, какъ безконечно, какъ безгранично ты меня любишь. Твоя душа горитъ, рвется ко мнѣ, манить, ласкаетъ и обнимаетъ меня; кровь твоя плыветъ въ мою, въ душѣ моей — плодъ твоего духа. Твоего духа, со всѣмъ адомъ боли, съ бездонной глубиной страданія. Ты слышишь, что я говорю, — слышишь? Слышишь; чувствуешь, что это ты говоришь во мнѣ и черезъ меня? Ты научилъ меня говорить, ты посѣялъ и взрастилъ свои слова въ моей душѣ..

Она ласково раскачивалась, прижавшись къ его тѣлу.

— Я ненавижу, презираю разсудокъ. У меня нѣтъ разума. Я не знаю, что дѣлаю, что говорю. У меня безконечное отвращеніе къ здравому разсудку всѣхъ людей вокругъ. Боже, какъ они боются страданія!.. Какъ они жаждутъ счастья, глупаго счастья! Страданіе для нихъ хуже моровой язвы. Ха, ха, ха, эти бѣдныя мѣщанскія жены, эти мѣщанскія барышни съ приданымъ, — онѣ жаждутъ только счастья. Вѣдь правда? Но мы нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!..

Она тихонько разсмѣялась.

— Правда? Дочки мѣщанъ и выскочекъ должны имѣть разсудокъ; но намъ, потомкамъ дворянъ — намъ разсудокъ не нуженъ... И я, подумай, я — дитя твоей души, я — кровь твоей крови...

Они впали въ какой-то странный, больной восторгъ. Слова вязли у нихъ въ горлѣ. Прижались другъ къ другу сильно, страстно, съ отчаяніемъ.

Долгое молчаніе!

Она прильнула къ нему, прижалась всѣмъ тѣломъ.

— Охъ! если бы я раньше знала, какъ безконечно сладко, какъ хорошо и уютно въ твоихъ объятіяхъ.

Снова молчаніе.

Вдругъ она рванулась.

— Скажи, скажи мнѣ откровенно. Ты дѣйствительно былъ у нея, у этой дѣвушки, полуробенка, какъ ты ее называлъ?

— Что ты говоришь? Что?

— Ты былъ у нея?

Собралъ всѣ свои силы.

— Нѣтъ!

— Не лги. — сказала она грустно... — Вѣдь я во всемъ виновата; а бывала иногда несносна, груба!

— Нѣтъ, нѣтъ, Агай; золотая Агай, нѣтъ, ты никогда не была грубой... Ты моя, моя Агай... О, ты, ты единственная моя!

Онъ припалъ къ ея ногамъ и цѣловалъ ихъ.

Она подняла его, держала его голову въ своихъ рукахъ и говорила съ безумной усмѣшкой:

— Теперь ужъ все кончено.

— Все кончено! — повторилъ онъ.

Долгое, долгое, скорбное, упорное молчанье.

— Не вмѣстѣ...

— Что?

Улыбнулась, какъ помѣшанная.

— Не вмѣстѣ... Понялъ ты меня?

Онъ долго думалъ.

— Отчего не вмѣстѣ?

— Мы бы мѣшали другъ другу.

— Правда.

И снова воцарилось долгое молчаніе, полное ласкъ и страданія.

Она вдругъ встала.

— Не будемъ грустны, нѣжный мой, — пей, пей!

Они пили съ какимъ-то болѣзненнымъ страхомъ и торопливостью. И снова долго сидѣли, прижавшись другъ къ другу.

— Агай! Выхода нѣтъ!

— Нѣтъ! теперь уже нѣтъ!

— Послушай... а если бы мы уѣхали вдругъ и сбросили съ себя все, какъ злой, злобный мучительный кошмаръ?

— Я не могу быть твоей!

— Отчего?

— Не знаю.. — Она вскочила... — Нѣтъ, не могу!.. Не говори больше объ этомъ, — все напрасно, — говорила она, измученная и изстрадавшаяся.

— Это твой разсудокъ тебѣ не позволяетъ?

— Ахъ, нѣтъ, нѣжный мой! Это что-то, чего

я не знаю. Я тоскую по-тебѣ такъ, что меня охватываетъ безуміе...

Ты — самый могучій изъ людей, какихъ я только знаю. Ты для меня — величайшій артистъ, а все-таки я съ наслажденіемъ отдала бы все твое искусство за кусочекъ твоего голагс тѣла. Смотри, смотри, мои плечи, мои руки — такія стройныя, такія маленькія, словно сдѣланы изъ дамасской стали. Ахъ, какъ часто я обвивала этими руками твое тѣло, какъ часто тѣло мое извивалось въ душныя ночи у твоего тѣла.. Я извивалась отъ тоски по твоему тѣлу.. но.. но, — она запнулась въ смущеніи, — но въ послѣднее время что то отрываетъ насъ другъ отъ друга, не позволяетъ исподняться тому, чего мы съ такимъ безуміемъ жаждемъ... Быть можетъ, родство крови? Страшное родство? Ты это чувствуешь?

— Кажется, чувствую.. люблю тебя!

Она бросилась къ нему на грудь, на шею — цѣловала его безъ конца.

— Знаешь, нѣжный мой, — шептала она ему на ухо, — теперь насъ снова заперли въ погребѣ, въ заплѣсневѣломъ, темномъ погребѣ.. Какое это наслажденіе, какое странное наслажденіе!

Они задыхались отъ смѣха.

— И слышишь, чудо мое, роскошь моя, рай мой, — слышишь, слышишь? Гу... гу... — это ночь, это черная ночь; слышишь, какъ кричатъ ночныя совы? Слышишь, какъ летучія мыши бьютъ крыльями объ оконныя стекла? А эти отвратительныя жабы, что ползаютъ по погребу... Но съ тобой это — наслажденіе, это — страшное, ужасное наслажденіе.

— Гу, гу,.. — смѣялся онъ безумнымъ смѣхомъ.

— А, можетъ быть, мы оба сошли съ ума? — спросила она со страхомъ. — Но какое намъ дѣло до этого?..

Вдругъ она бросилась къ нему.

— Поцѣлуй меня сюда, сюда, — она разстегивала лифъ съ лихорадочной поспѣшностью.. — разъ ты меня поцѣловалъ сюда. Никогда не забуду этого — смотри, красное пятно, ты выжегъ его своимъ поцѣлуемъ... Поцѣлуй твой разлился по моему тѣлу, какъ жидкій огонь. Дрожь пробѣгаетъ по моему тѣлу, точно длинныя, холодныя змѣи..

Она замолчала, задрожала, и судорожно впилась обѣими руками въ его волосы. Онъ цѣловалъ, кусалъ ее, и его раскаленныя губы блуждали по ея грудямъ..

— Еще, еще! — сходила съ ума.

Онъ рвалъ ея рубашку и цѣловалъ грудь.

Они дрожали, какъ въ судорогахъ. Губительный экстазъ похоти терзалъ имъ нервы

Вскочилъ.

— Довольно! довольно! У меня голова лопнетъ...

Она рванулась отъ него, но въ ту же минуту страстно прижалась къ его тѣлу.

И взяла его голову обѣими руками, прижала ее къ груди и шепнула ему на ухо:

— А если бы мы теперь умерли?

И встала вдругъ, цѣловала его въ глаза; говорила, говорила и смѣялась.

— О, ты, ты! Отчего ты не скажешь, что я — сентиментальна? Теперь у тебя былъ такой пре-

красный случай отмстить мнѣ. О, ты, ты, мой единственный, ты пренебрегаешь местию... Твоя душа велика и прекрасна. Я люблю твою душу, я люблю твою страшную, глубокую печаль. Для насъ нѣтъ веселья, мы дѣти трясинъ и болотъ. Ахъ, какъ я люблю въ тебѣ глубины и бездны. Въ тебѣ все — бездонная пропасть. Все въ тебѣ — такъ глухо, и страшно, и отчаянно. Ты для меня святъ и чистъ съ твоимъ безуміемъ и лихорадкой... Скажи, скажи, у тебя часто бываютъ галлюцинаціи? Ты, ты — одинъ, въ комъ есть страданіе и скорбь. А ты не борешься съ этой мукой. Не борешься со страданьемъ. Ты любишь муку и страданіе... — Она обняла его за шею... — Я — я люблю страданіе... Позволь, позволь мнѣ все сказать. Я такъ долго хотѣла все тебѣ высказать... Я тебя люблю за то, что ты ненавидишь разсудокъ и тысячу разъ предпочтешь броситься въ пропасть, чѣмъ протянуть руку за минутой счастья.

Она медленно и сладострастно терлась лицомъ о его лицо.

— Смѣйся, золотой мой, — смѣйся! — Онъ смѣялся.

— Мы сошли съ ума? — спросила она.

— Да.

Руки ихъ сплелись.

— Иди, иди же, — молила она, рылая — Безуміе охватитъ насъ — безуміе!... Иди, иди!...

— Теперь, я уже навѣки останусь съ тобой! — сказалъ онъ холодно и твердо... — Я не тронусь отсюда...

Она смотрѣла на него, онѣмѣвъ отъ ужаса.

— Охъ, какъ сильна твоя воля. Твоя воля избыткомъ страшной своей силы пролилась за края. Теперь я въ твоей власти. Ты такъ безконечно силенъ... Иди, нѣжный мой, иди, у меня голова лопнетъ, а грудь — въ жару, въ огнѣ.. Поцѣлуй мою грудь, еще разъ.. охъ, нѣтъ! нѣтъ! У меня огонь во всемъ тѣлѣ..

Припала къ его ногамъ.

Душа его боролась съ глухимъ отчаяніемъ. Чувство оторвалось отъ воли. Онъ былъ безсиленъ. Глухая широкая пустота раскрыла свои глубины въ его мозгу.

Она сѣла у него на колѣняхъ, прижала голову къ его груди и плакала.

А потомъ цѣловала его лицо, глаза, грудь и опять смотрѣла ему въ глаза страннымъ, больнымъ взглядомъ, въ которомъ отчаяніе ужъ преломило въ что-то, что плакало за пределами какой скорби.

— Иди же, иди!

Всталъ. Душа его была глуха и нѣма.

Она повела его къ окну.

— Смотри! Видишь море? Охъ, какъ сладко, какъ хорошо бы лежать тамъ въ твоихъ объятыхъ... Но нѣтъ, нѣтъ! Я люблю твою жену!... Она не переживаетъ этой муки.. нѣтъ! нѣтъ!... Это слишкомъ страшная мука — жить хоть одну минуту съ ужаснымъ воспоминаніемъ, что ты со своей сестрой на днѣ моря...

— Я пойду одна, — зарыдала она громко, — одна, одна..

Да, одна — и я одинъ.. говорилъ онъ въ глубокомъ раздумьи.

— А теперь иди! — Она провела его вниз.
Вошли въ садъ.

Остановились.

— Пройдемся со мной по саду, — прошептала она.

Они обошли кругомъ весь садъ, не говоря ни слова.

У воротъ остановились.

— Я не пойду, Агай! я уже навѣки останусь съ тобой.

Онъ бросилась къ нему, впилась зубами въ кожу на его шеѣ и разорвала ее.

Онъ застоналъ.

Слышалъ, какъ хлопнула калитка, почувствовалъ внезапную боль; что го теплое текло по его тѣлу; схватился рукой за шею: широкая рана сочилась кровью.

Улыбнулся.

Въ головѣ широкая, скорбная пустота.

Онъ шелъ сильными увѣренными шагами.

— Она ждетъ меня у памятника! — промелькнуло у него въ головѣ.

Махнулъ рукой: сдѣлалъ широкой отталкивающей жестъ и снова улыбнулся.

Въ его душѣ разлилось тихая, бесконечно широкая торжественность.

Когда пришелъ домой, онъ открылъ окно, сѣлъ въ немъ и смотрѣлъ внизъ.

Кто-то шелъ съ фонаремъ по темному двору.

Этотъ свѣтъ, этотъ блуждающій свѣтъ внизу поглотилъ все его вниманіе.

Тотъ, другой, его двойникъ, былъ опять въ

комнатѣ. Онъ видѣлъ скорченное бѣ боли, искаженное страшнымъ смѣхомъ лицо.

Презрительно пожалъ плечами.

— Если бы у меня была даже тысяча двойниковъ, — то и тогда я вѣчно буду одинъ — вѣчно одинъ...

Агай нѣтъ въ живыхъ.

Тамъ, зеркальная полоса на краю неба — это море. А внизу острые камни мощенаго двора,

Онъ отошелъ и зажегъ лампу.

На столѣ письмо. Разорвалъ конвертъ. Отъ жены.

„Боже Милостивый! что съ тобой? Отчего ты ничего не пишешь, ни слова. Я умираю отъ страха за тебя“...

Улыбнулся и три раза поцѣловалъ письмо. Потомъ сѣлъ на кровати.

Вдругъ почувствовалъ грызущую боль. Схватилъ за шею,

Рана сочилась кровью. Подошелъ къ тазу и обмылъ ее.

Платье было въ крови.

Сбросилъ его съ отвращеніемъ и легъ въ кровать.

И вдругъ почувствовалъ, какъ къ нему приближается клубящійся вихрь людей, которыхъ онъ видѣлъ уже въ ту первую ночь.

Медленно доходилъ до него шумъ и стонъ, словно глубокой молитвенный вздохъ. Все ближе. Эхо росло — было похоже на отрывистое, стонущее всхлипываніе, на предсмертные хрипы мучениковъ, догорающихъ на кострѣ. И вдругъ въ воз-

духъ раздалось ржаніе, словно промчался табунъ бѣшеныхъ коней. Адскій скрежетъ и визгъ терзали его мозгъ, тѣла сбились въ тучу, что застлала всю комнату, весь міръ, — поднималась и опускалась густымъ туманомъ, и, словно изъ сдавленнаго горла всего человѣчества, вырвался вдругъ страшный пронзительный крикъ: *De profundis!*

И вдругъ выросла женщина въ пурпуровомъ плащѣ. Она медленно поднималась надъ міромъ, на ея лицѣ, застывшемъ отъ боли, окаменѣла глухая скорбная улыбка.

И онъ видѣлъ, какъ клубящійся чудовищный хаосъ людей вдругъ распался, люди освободились отъ объятій и сплетеній, расчленились на отдѣльныя фигуры. И вокругъ женщины закружился водоворотъ человѣческихъ паръ въ страшныхъ судорожныхъ объятіяхъ.

Онъ слышалъ звѣрское ржаніе, стоны тяжелыхъ мукъ родовъ; видѣлъ лица, до безумія упоенныя экстазомъ нечеловѣческаго желанья; видѣлъ тѣла, раздѣденныя ядомъ, покрытыя отвратительными нарывами; а тамъ, внизу, гдѣ-то внизу, увидѣлъ самого себя съ окровавленнымъ разбитымъ черепомъ, со сжатыми кулаками, извивавшимися въ предсмертной агоніи.

Сорвался съ кровати.

Послѣдній ревъ страданья и отчаянья коснулся его ушей и угасъ, какъ ураганъ бури, на далекомъ побережьи.

Мозгъ его обезумѣлъ. Онъ тщетно силился поймать какую нибудь мысль.

Долгое время сидѣлъ неподвижно.

Первые проблески разсвѣта вливались медленно и упорно въ темень ночи.

— Господи, Боже, гдѣ же Агай! — промелькнуло въ его головѣ.

Остановился по серединѣ комнаты.

— А! Агай скрылась въ саду. Тамъ за этимъ старымъ тополемъ.

Она всегда прячется за этимъ тополемъ.

Онъ тихо смѣялся и крался на цыпочкахъ къ окну.

Теперь надо отворить тихонько дверь веранды.— Хе, хе, она спряталась во рву, тутъ же за садомъ.. Скрылась въ морѣ.. Сама стала моремъ...

Но я найду ее!

Только тс! тс!. а то еще спугну...

Влѣзь на окно.

— Я найду ее.. Только тише, тише! Охъ, вотъ вотъ, вижу ее, вижу..

Сталь въ окнѣ, протянувъ руки.

— Агай! Вотъ ты гдѣ! — Онъ громко захохоталъ.

Свалился внизъ.

